

18+ Алексей Ракитин

Уральский Монстр

Хроника разоблачения
самого таинственного
серийного убийцы
Советского Союза.
Книга II

Алексей РАКИТИН

**Уральский Монстр. Хроника
разоблачения самого
таинственного серийного убийцы
Советского Союза. Книга II**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Уральский Монстр. Хроника разоблачения самого таинственного серийного убийцы Советского Союза. Книга II / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590632-8

Документальное исследование «Уральский Монстр. Хроника разоблачения самого таинственного серийного убийцы Советского Союза» (в двух книгах) посвящено реальной, но совершенно неизвестной ныне истории похищений и убийств малолетних детей в Свердловске в 1938—1939 гг. Автор тщательно анализирует ход следствия на всём его протяжении, вскрывает огрехи и недоработки правоохранительных органов и предлагает читателю свою версию таинственных событий, заметно отличающуюся от официальной.

ISBN 978-5-00-590632-8

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Книга II. Сентябрь 1939 г. – ноябрь 1940 г.	6
Глава I. «После моего крика женщина не оглянулась...»	6
Глава II. Экспертиза профессора Устинова	25
Глава III. Эта музыка будет вечной...	37
Глава IV. Сколько веревочке ни виться...	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Уральский Монстр
Хроника разоблачения самого
таинственного серийного убийцы
Советского Союза. Книга II**

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2022

ISBN 978-5-0059-0632-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0059-0633-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга II. Сентябрь 1939 г. – ноябрь 1940 г.

Глава I. «После моего крика женщина не оглянулась...»

Вова Петров рос в семье неблагополучной, нищей даже по критериям скудных предвоенных лет, и за свою короткую несчастливую жизнь видел мало радости. Если вообще ее видел. Его мама, Евдокия Андреевна Петрова, к 42 годам умудрилась прижить четырех сыночек от четырех разных мужей. Дети ее – 18-летний Николай, 15-летний Андрей, 13-летний Геннадий и самый младший Вова, 3 лет – росли непохожими друг на друга, недружными, кое-как одетыми и вечно голодными. Последний муж Петровой – сильно пивший Иван Сидельников, отец самого младшего из сыночек – оставил Евдокию и вернулся к прежней своей жене, но... потом стал навещать и интимные отношения бывших супругов оказались восстановлены. Этот факт он от своей новой старой жены не скрывал и жил фактически на два дома, как в известном анекдоте советских времен: «Жене сказал, что пошел к любовнице, любовнице – что ушел к жене, а сам – на чердак!»

Евдокия Петрова обитала с сыновьями (язык не поворачивается назвать это прозябание «жизнью») в одном из самых мрачных районов Свердловска по адресу площадь Коммунаров, барак №1. Несмотря на пафосное название, в конце 1930-х гг. это была настоящая клошарская клоака, причем расположенная практически в геометрическом центре города. Планировка Свердловска, кстати, крайне нетипична для российских городов, традиционно растущих от центра к окраинам. Столицу же Урала возводили в разное время крупными районами, не придерживаясь однажды выработанного генерального плана. Поэтому крупные жилые массивы оказались к востоку от площади Коммунаров, к северу и западу, саму площадь активно перестраивали и облагораживали на протяжении всего десятилетия, но это мало помогло изменить общее состояние района. К югу от площади тянулись места малонаселенные и лишенные дорог и транспорта: убогого вида стадион, за ним старое Ивановское кладбище, завод утильсырья, собачий питомник, рядом огромная тюрьма, точнее, целый тюремный комплекс из нескольких зданий, именовавшийся в те годы «Изолятором специального назначения». Южнее район самостроя – несанкционированно построенных на огородных участках дощатых клетушек. К югу от огородов и самостроя находились кирпичный завод, громадная городская мусорная свалка, тут же целое искусственное озеро фекалий, в которое свозилось содержимое отхожих мест из многочисленных кварталов, лишенных канализации. Подле этого озера нечистот был устроен скотомогильник. Южнее этих весьма специфических достопримечательностей тянулся обширный заболоченный лесной участок, на котором велись довольно значительные торфяные разработки (Московский торфяник). Далее к югу рос настоящий лес, в который уходили 6 параллельных просек длиной по 400—500 метров. И все это дивное разнообразие, подчеркнем, находилось в черте города! От площади Коммунаров до Московского торфяника расстояние по прямой составляло примерно 1 800 метров.

Карта восточной части Молотовского района г. Свердловска. Штриховкой обозначены участки: 1- барачной застройки, непосредственно прилегающие к Площади Коммунаров, и 2 – самовольной застройки в районе Московского торфяника. Именно в бараках в районе «1» проживал пропавший в сентябре 1939 г. Вова Петров. Использована карта 1932 г., поскольку после 1940 г. бараки в районе площади Коммунаров были в своём большинстве снесены и на их месте возведены больница Верх-Исетского завода, электроподстанция и иные постройки, в силу чего карты последующих лет не позволяют получить представление о наличии и истинном расположении объектов на территории Молотовского района. Знаками «*» и буквами обозначены: «а» – каменоломни к северу от Московского тракта, «b» – собачий двор, куда свозили отловленных на улицах города бродячих собак, «с» – завод по обработке утильсырья, «е» – скотомогильник, территория которого ранее использовалась для слива городских нечи-

стот, «f» – кирпичный завод, «d» – свалка мусора. Точкой». g» обозначена пожарная вышка на Московском торфянике. Что и говорить, район пустынный и мрачный! Приведенная карта особенно интересна для нас тем, что на ней указаны зоны ответственности территориальных отделов Рабоче-крестьянской милиции: 4-го (кварталы слева вверху) и 1-го (по правому краю карты). Граница между ними обозначена сплошной непрерывной линией. Легко заметить, что площадь Коммунаров находится как раз на границе их зон ответственности.

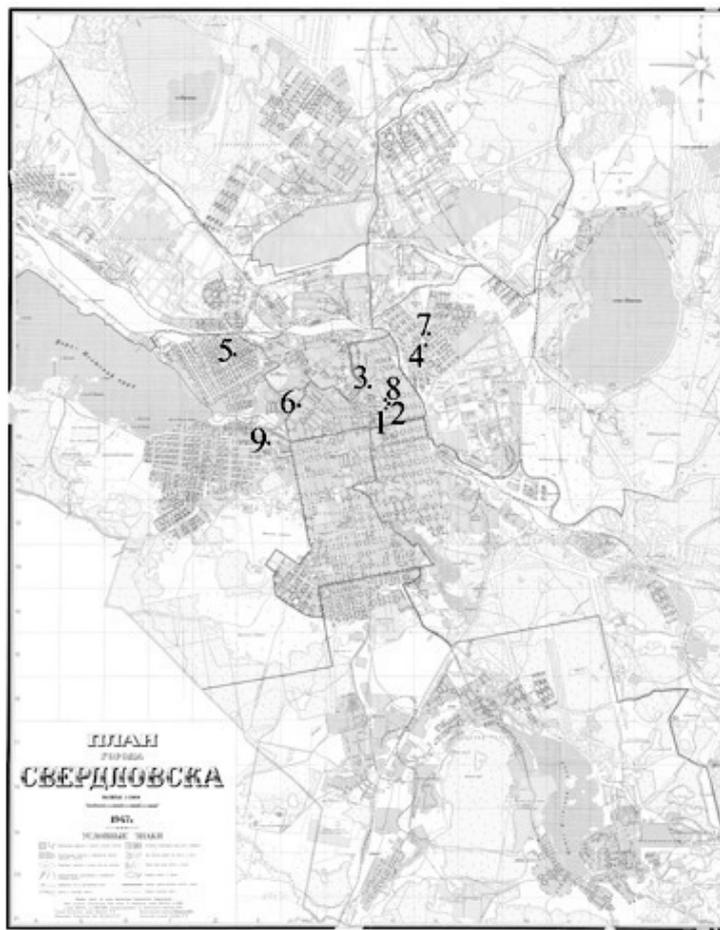
Этот географический экскурс совершенно необходим в контексте нашей истории.

Евдокия Петрова ушла из дома за картошкой 12 сентября в 11:20. В этом походе на рынок ее сопровождал старший из сыновей, Николай, ему предстояло дотащить мешок до дома. Младшенький Вова во время ухода матери играл возле барака. В то утро все сыновья ушли из дома, поскольку «на постой» прибыл Иван Сидельников, последний из мужей Евдокии; явился он, как водится, пьяный, принес с собою бутылку водки, которую выпил, и завалился спать. Дети ушли на улицу, чтобы не тревожить его сон. Обрато Евдокия с Николаем возвращались в 12:45; навстречу мчался средний из сыновей, Андрей, кричавший: «Вовка куда-то убежал!»

Нельзя сказать, что Евдокия отнеслась к услышанному равнодушно – материнское сердце сразу почуяло неладное, хотя в прошлом уже бывало такое, что Вова уходил из дома в неизвестном направлении. Не далее, как два месяца назад он совершил самостоятельный поход в магазин, и тогда мать оказалась вынуждена потратить на его поиски полдня. Но теперь все было иначе, теперь во всех очередях только и было разговоров о похищениях малолетних детишек! Евдокия сразу же помчалась в первое отделение милиции, где ее заявление об исчезновении ребенка не приняли, сославшись на то, что площадь Коммунаров территориально относится к четвертому отделению. Тем не менее дежурный милиционер ее внимательно выслушал и даже попросил занести описание внешности пропавшего ребенка дежурному по детской комнате милиции, что Евдокия Петрова и сделала. Нельзя не отметить разительную перемену в отношении милиционеров к обращениям граждан: еще несколько месяцев назад никто бы из них даже пальцем не шевельнул в ответ на обращение встревоженной матери, а теперь – максимум внимания, дельный совет и готовность помочь. Вот что творит с бойцами сильно невидимого фронта живительный пинок начальства и визит московских «важняков», пристрастно проверяющих действия и бездействие утомленных суровыми буднями правоохранителей!

Евдокия направилась в четвертое отделение и там ее заявление вызвало настоящий переполох. До этого все случаи исчезновений детей фиксировались в северной и восточной частях Свердловска, теперь же, похоже, таинственный злоумышленник решил сменить область своей активности. Евдокию Петрову принял лично начальник отделения, который не только распорядился принять все меры к розыску пропавшего малыша, но и обстоятельно допросил женщину.

Все свободные силы 4-го отделения были брошены на осмотр территории, примыкавшей к площади Коммунаров. Примерно с 16 часов милиционеры приступили к опросу населения. На розыск мальчика были направлены и сотрудники 1-го отделения, которые проводили осмотр местности и опрос населения на своей территории (площадь Коммунаров в 1939 г. находилась на границе зон ответственности 4-го и 1-го отделений РКМ).

Карта г. Свердловска с указанием мест исчезновения детей в 1938—1939 гг. Точками обозначены места: «1» – похищения 12 июля 1938 г. Герды Грибановой, «2» – попытки похищения 10 февраля 1939 г. Бори Титова, «3» – покушения на убийство 1 мая 1939 г. Раи Рахматуллиной, «4» – похищения 12 июня 1939 г. Али Губиной, «5» – похищения 30 июня 1939 г. Риты Ханьжиной, «6» – похищения 22 июля 1939 г. Вали Камаевой, «7» – похищения 27 июля 1939 г. Лиды Сурниной, «8» – похищения 20 августа 1939 г. Ники Савельева и «9» – исчезновения 12 сентября 1939 г. Вовы Петрова. После похищения в августе в Сталинском районе Ники Савельева преступник вновь вернулся в западную часть города, в район поселка Верх-Исетского завода. Видимо, он регулярно бывал в прилегающих к месту похищения кварталах, вполне вероятно, там жили его родственники, либо ему приходилось там появляться по делам работы или учебы. Во всяком случае, существовала веская причина (возможно, даже не одна!), способная правдоподобно объяснить знакомым и родственникам регулярные появления преступника в западной части города. Примечательно, что активность злоумышленника не распространялась на районы Свердловска к северу и югу от Сталинского. Причин тому могло быть несколько и самая очевидная из них – худшая транспортная доступность северной части города, связанной с центром длинной петляющей трамвайной линией, по которой в 1939 г. был пущен только один маршрут.

Во время допроса Евдокия Петрова рассказала о трудностях воспитания. Средние сыновья – Андрей и Геннадий – нигде не работали и не учились, особые хлопоты доставлял Гена, который несколько раз сбежал из дома и имел проблемы с милицией. В общем, мать с воспитанием явно не справлялась, не находила управы на взрослеющих детей. Характеризуя младшего из сыновей – пропавшего Вову – Евдокия Андреевна отметила: «Вова мальчик развитый, бойкий, посторонних никого не боится, ласковый ко всем, пойдет с кем угодно, лишь бы кто

позвал». Разумеется, лейтенант Деев задал вопросы и о родном отце исчезнувшего малыша, на что Петрова отреагировала однозначно: «Сделать что-либо с Вовкой он ничего не сможет, ибо он его сильно любит». По ее словам, Иван Сидельников последние два дня провел у нее в бараке, то приходя, то исчезая на несколько часов, утром 12 числа, будучи нетрезв, вручил Николаю, старшему из сыновей Евдокии, 3 рубля, а Воле подарил 1 рубль. Хотя Сидельников вернулся к своей предыдущей жене, он не забывал о сыне и приносил Евдокии деньги без всяких угроз взыскать алименты по суду. По словам женщины, отец ежемесячно выплачивал примерно по 100 рублей, не очень регулярно, с задержками, но в среднем получалась примерно такая сумма. Интересно, что сам Сидельников, будучи спрошен о том же самом, заявил, что давал Евдокии примерно по 50—60 рублей в месяц, то есть женщина преувеличила поддержку с его стороны, что следует признать весьма нетипичным для отношений расставшихся супругов.

Вскоре милиционеры, проводившие опрос жителей района, обнаружили первого важного свидетеля. Мария Степановна Вяткина, 39-летняя кладовщица городской больницы №1, рассказала, что видела Вову Петрова около 12 часов дня в сквере у здания тюрьмы на улице Репина, дом №4, рядом с Ивановским кладбищем. Причем за несколько минут до этого она видела мать и старшего брата – то есть Евдокию и Николая Петровых – на перекрестке улиц Малышева и Московской. Они как раз возвращались с рынка. Расстояние от перекрестка до того места, где находился Вова, не превышало 200 метров. Вяткина хорошо знала семью Петровых, она окликнула малыша, тот ее увидел, рассмеялся и отошел. Вова был один, пребывал в хорошем настроении, и ему, по-видимому, ничего не угрожало, то есть его не похищали, он сам ушел от дома. Это была хорошая новость, однако была и плохая. Если Вова действительно отправился на юг, в сторону кладбища, то там на его пути оказывались все те дебри, что были перечислены выше: свалка, огороды, самострой, торфяник...

Площадь Коммунаров, барак №1 – место проживания Вовы Петрова. Именно возле него мальчика в последний раз видели в 11:20 12 сентября 1939 г. мать и братья. На заднем плане

видно новое здание. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. район площади Коммунаров подвергся масштабной перестройке и облагораживанию, в результате чего его облик изменился радикально.

Едва только милицейские патрули получили приказ двигаться в южном направлении, как пришла новая информация. Оперуполномоченный Баринов доставил в четвертое отделение нового важного свидетеля – 15-летнего Михаила Кириллова, проживавшего в доме №21 по улице Крылова. Молодой человек часто ходил играть в футбол на стадион у площади Коммунаров и хорошо знал братьев Петровых. Согласно рассказу Кириллова около полудня 12 сентября или чуть позже он ходил вместе со своим другом Геннадием Трофимовичем в книжный магазин на Площади 1905 года, возле которого Кириллов увидел Вову Петрова. Мальчик шел по тротуару в сторону улицы 8-го Марта, то есть удаляясь от своего дома, в сопровождении какой-то импозантной женщины, которую свидетель описал такими словами: «Женщина была одета в синее пальто, туфли черные, высокие, на голове – белый берет. Я эту женщину в лицо не видел. Она его вела за руку». Малыш ел эскимо, мороженое на палочке. Ошибка была исключена, поскольку Кириллов окликнул Вову, и тот обернулся. Кроме того, Михаил совершенно верно описал одежду мальчика, не забыв упомянуть шапочку «с помпоном» на его голове.

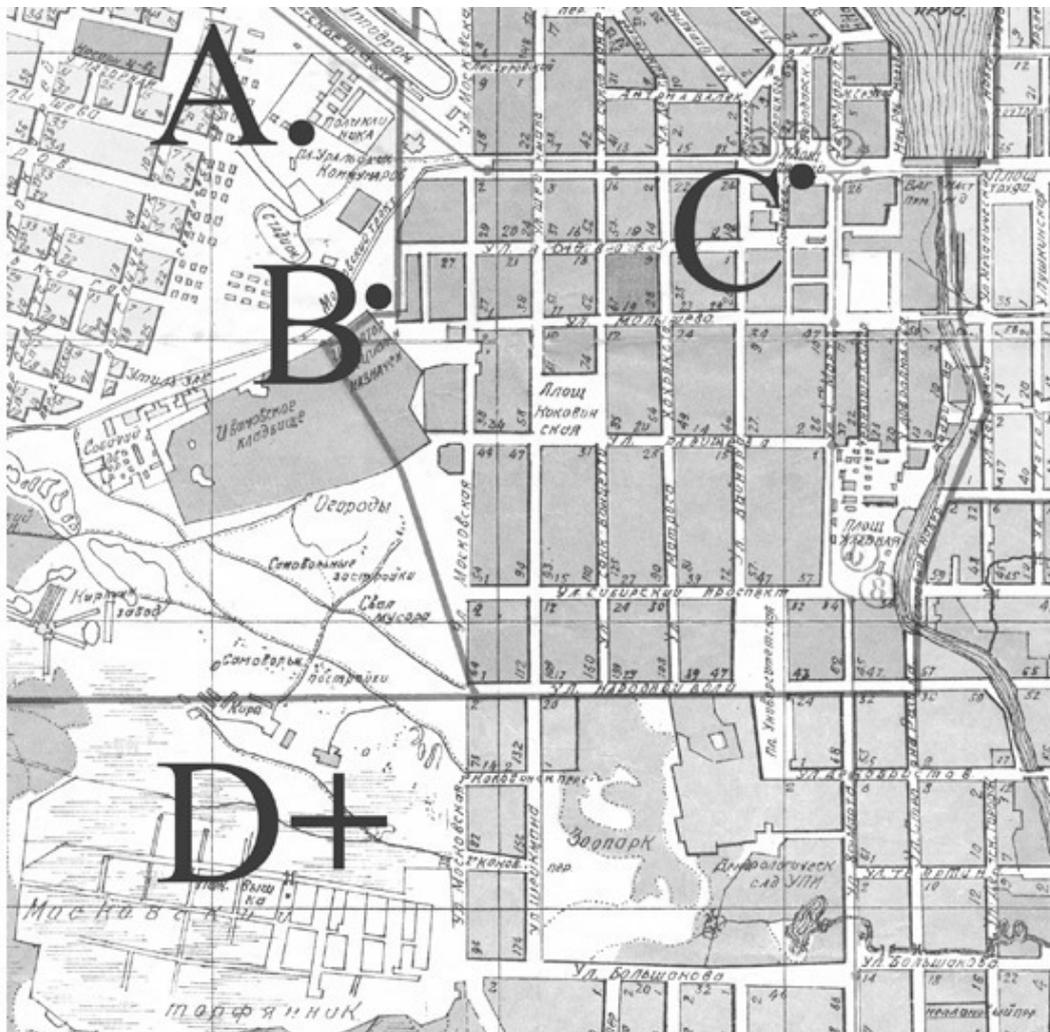
Место, где Кириллов, по его словам, видел Вову Петрова, находилось на удалении около 1,5 километров от барака, в котором жил малыш. А расстояние от сквера, где Вову видела Мария Вяткина, составляло примерно 1,3 км. или даже чуть менее. Ни Кириллов, ни Вяткина часов не имели, так что сложно было определить, какой же интервал времени разделяет их встречи с пропавшим мальчиком, но очевидно, он не мог быть очень большим. Другими словами, это должны были быть десятки минут, но никак не несколько часов. Насколько по силам 3-летнему малышу преодолеть расстояние в 1,2—1,3 километра на своих ногах – за 30 или 40 минут? Тем не менее оснований не доверять новому свидетелю не имелось, и хотя его рассказ звучал странно и запутывал картину, было принято решение повести розыск Вовы Петрова в восточном направлении.

Уже поздним вечером, после 22 часов, в четвертое отделение доставили для допроса Ивана Сидельникова, отца потерявшегося ребенка. Иван Васильевич ничего дельного не сказал, честно признался, что весь день проспал, точнее, пил водку, засыпал, просыпался, снова пил и засыпал снова. Он помнил, как в комнату забежал один из сыновей Евдокии Петровой, Гена, и крикнул ему, что Вова пропал, но это не помешало папаше спать далее. Лишь в десять вечера его оторвал от лежанки участковый... Такой вот персонаж, запойный алкоголик в самом своем естественном состоянии. Понятно, что помочь милиции он ничем не мог.

Еще до полуночи дежурному по областному Управлению РКМ позвонил диспетчер дистанции железной дороги и сообщил, что к обходчику путей обратилась некая женщина, назвавшаяся Еленой Бурениной, заявившая об обнаружении трупа ребенка на территории Московского торфяника. Диспетчер делал сообщение с чужих слов, поэтому не знал деталей и не мог дать уточняющую информацию об ориентирах на местности, проводить же осмотр торфяных выработок в темное время суток представлялось занятием совершенно бесперспективным. Поэтому выезжать на место было решено с рассветом следующего дня.

Тело ребенка удалось найти к 10 часам 13 сентября. Для осмотра места в Московский торфяник отправилось как руководство местными правоохранительными органами, так и командированные из Москвы следователь-«важняк» Краснов и старший оперуполномоченный союзного угро Брагилевский. В протоколе осмотра места обнаружения трупа проставлено время его составления – 13:15. Точное местоположение тела указано в нем довольно расплывчато: «В лесисто-болотистой местности Московского торфяника близ мыловаренного завода». Насколько это близко к проходной завода – в прямой ли видимости, на расстоянии крика –

понять невозможно. Кроме того, ничего не сказано о положении тела относительно пожарной вышки, находившейся у входа в зону торфяных выработок со стороны города (то есть с севера). Её расположение известно в точности по картам тех лет, и можно было бы составить верное представление о том, где же именно находился труп, но в протоколе об этом нет ни слова.

Карта восточной части Молотовского района г. Свердловска, позволяющая составить представление о перемещениях Вовы Петрова после его исчезновения около полудня 12 сентября 1939 г. Использован фрагмент карты 1932 г. как более точно передающей специфику застройки и городской инфраструктуры, нежели карты, датированные после 1940 г. Условные обозначения: «А» – место проживания мальчика в бараке №1 на пл. Коммунаров, возле которого мальчика в 11:20 в последний раз видели мать и братья, в 12:45 именно от этого места начались его розыски; «В» – сквер по ул. Репина, дом №4, в нём около 12 часов Мария Вяткина видела мальчика, в котором узнала Вову Петрова, мальчик был один; «С» – площадь 1905 г., на которой пропавшего мальчика независимо друг от друга около 13 часов или несколько позже видели Михаил Кириллов и Лиза Бухаркина. Свидетели хорошо знали мальчика и исключали ошибку опознания, по их хорошо согласующимся показаниям Вова Петров шёл в обществе крупной женщины в пальто, двигался он в направлении улицы 8-го марта, т.е. удалялся от места проживания; «+D» – место обнаружения трупа Вовы Петрова в районе Московского торфяника Еленой Бурениной и Дарьей Стерлиговой около 17 часов 12 сентября (т.е. спустя 5 или даже менее часов с момента исчезновения ребёнка). Место показано условно, поскольку в официальных документах нет точной привязки к ориентирам на карте,

а содержится лишь невнятное указание на местонахождение трупа в районе мыловаренного завода (причём, расстояние до него также не указано). Расстояния от А до С примерно 1,5 км., от В до С – примерно 1,2 км., от А до D – неопределенно, поскольку точное положение D неизвестно, но никак не менее 2 км. по прямой, от С и D – тоже неопределенно в силу означенной причины, но при любых условиях большие расстояния между А и D. Все поименованные точки однозначно связаны с Вовой Петровой и его присутствие в этих местах в указанное время не вызывает сомнения. Однако, при взгляде на карту нельзя не заметить труднообъяснимую разбросанность отмеченных мест. Все они взаимно удалены на значительные расстояния и вызывает большие сомнения возможность маленького мальчика (его возраст, напомним, 3 годика!) самостоятельно такие расстояния преодолевать. Можно допустить, что Вова сам ушёл от дома к скверу у тюрьмы и похищение произошло именно там, а вовсе не возле дома. В этом случае направление движения похитительницы, замеченной на площади 1905 г. свидетелями Кирилловым и Бухаркиной, уводившей ребёнка прочь от места следует признать вполне логичным. Однако, дальнейшее движение похитительницы представляется в высшей степени странным. Кажется невероятным, чтобы хорошо одетая женщина (при том в обуви на каблуках!) лично повела жертву на торфяник с целью убийства. Кроме того, много вопросов рождает мотивация действий женщины-убийцы. Хотя феномен женщин-детоубийц существует, всё же, совершаемые ими преступления обычно совершенно иного типа, нежели то, что мы видим в данном случае. Использование ножа в качестве орудия убийства также заставляет усомниться в том, что умерщвление осуществлялось женщиной. И хотя присутствие женщины на месте убийства полностью исключить нельзя – след обуви маленького размера вполне мог принадлежать именно ей – всё же, в данном случае чувствуется рука убийцы мужского пола. Однако, это допущение заставляет предположить сговор по меньшей мере двух лиц. Сами-собой возникают вопросы транспортной доступности места убийства и наличие у преступника (-ов) средств передвижения (хотя бы велосипеда). Тут, к сожалению, мы ни к каким окончательным выводам прийти не сможем ввиду неопределенности местоположения точки D. Как бы там ни было, свердловскому уголовному розыску необходимо было всемерно сосредоточиться на установлении личности женщины «в синем пальто со встречной складкой на спине» и вести поиск от Площади 1905 г. Нельзя не признать, что именно в правильном понимании произошедшего на площади лежала разгадка этого преступления.

Раздетое тело лежало лицом вниз, частично погруженное в воду, нижняя часть спины, ягодицы и ноги были прикрыты темно-синим пальтишком. Рядом с телом находились предметы одежды: вязаные старые штанишки справа, а белая рубашка, и пара черных ботинок – слева. Ботинки были развязаны, но не расшнурованы, то есть преступник, видимо, начал их снимать, но затем потерял терпение и просто сорвал с ног. Осмотр местности позволил обнаружить в 7 метрах от трупа детскую вязаную шапочку «с завязками и маковкой». «Маковка» – это тот самый «помпон» на макушке, который упоминал в своих показаниях Михаил Кириллов, деталь приметная и запоминающаяся. Уже по одному этому можно было предположить, что в торфянике найден именно Вова Петров, а не какой-то другой ребенок.

После того, как было поднято пальто, прикрывавшее труп, стал виден отпечаток ботинка на левой ягодице и левой части спины. Преступник, очевидно, наступил ногой на спину жертвы, притапливая ее в луже. Отпечаток был измерен, его длина составила 23,4 см, наибольшая ширина – 8,6 см, ширина каблука – 7 см, а выемка между каблуком и плоскостью подошвы – 6,1 см. Беглый осмотр привел к обнаружению нескольких резаных ран на лице и ногах, также стало ясно, что ребенок мужского пола. Тело было направлено в морг для проведения судебно-медицинской экспертизы и формального опознания, хотя мало кто сомневался, что найден пропавший накануне Вова Петров и никто иной.

Обнаружение отпечатка обуви явилось серьезным успехом следствия, поскольку это позволило сделать кое-какие выводы о личности преступника. Прежде всего, размер обуви оказался на удивление небольшим, он соответствовал 35 (sic! – самому маленькому) из четырех «мальчишковых» размеров обуви, принятых в СССР. Криминалисты давно пытались выявить закономерность между размером стопы человека и его ростом, и хотя универсального решения данная задача иметь не может просто в силу значительного разброса индивидуальных особенностей строения скелета, все же кое-какую ценную для следствия информацию из отпечатка ноги извлечь можно. Хотя встречаются невысокие люди с аномально большими ступнями и наоборот, все же житейский опыт подсказывает, что у крупного человека должна быть длинная стопа, а у маленького, соответственно, маленькая. Для большинства взрослых людей наибольшая длина отпечатка босой ноги составляет 1/7 роста, это простейшее правило дает весьма неплохое соответствие истине при большой статистической выборке (в пределах 1,5%, другими словами, истинный размер ноги будет отличаться от высчитанного математически не более чем на 1,5% в большую или меньшую стороны).

Однако люди редко ходят босиком, поэтому важнее связать размер отпечатка обуви с ростом ее обувшего. Тут начинаются нюансы, связанные с половой принадлежностью и возрастом человека, а также типом обуви (сандалии, например, оставляют более крупный отпечаток просто в силу своей конструкции). Для определения роста человека по отпечатку, оставленному закрытой неспортивной обувью, вроде туфель, ботинок и пр., можно использовать такое мнемоническое правило: (длина полного отпечатка в сантиметрах) минус 1,5 см, умножить получившееся число на 100 и разделить его на 15,8 (в случае, если отпечаток оставлен женщиной, делить надо на 15,5). Полученное число составит рост в сантиметрах. Но это правило дает хорошую сходимость результата с истинным ростом лишь взрослых людей. В данном случае маленький размер указывал на подростка и существовала неопределенность относительно того, насколько корректно применять правила, разработанные для взрослых, к человеку, чей позвоночник еще находился в процессе активного роста? Тем не менее имело смысл сделать прикидку; с учетом 1,5% погрешности получалось, что рост убийцы, скорее всего, выше 137 и ниже 145 сантиметров.

Прямо скажем, росточек у предполагаемого убийцы получался невысокий. Советские 15-летние школьники в 1940 г. имели средний рост 159,5 сантиметра, 16-летние – 163,2, 17-летние – 165,5. Тут невольно вспомнишь слова Елизаветы Голиковой, утверждавшей на допросе 29 августа, что преступник оставил «впечатление как о подростке 13—14 лет». И прямо противоположное заявление старшего лесника Николая Петухова, также видевшего преступника в непосредственной близости и утверждавшего, что тот «повыше меня» (какого же роста сам Петухов? Увы, в материалах дела нет данных на сей счет).

Как видим, отпечаток обуви на трупе заводит нас в совершеннейшие дебри. Ощущение неопределенности лишь усиливается из-за подозрений о небрежности, допущенной милиционерами при осмотре и измерении отпечатка. Небрежность или банальную ошибку при записи измерений сбрасывать со счетов никак нельзя – примеров всякого рода ляпов, глупостей и бессмысленностей, вышедших из-под пера мастеров оформления ордеров и протоколов, рассыпано по страницам этой книги великое множество. К сожалению, детальное фотографирование места обнаружения тела, самого трупа и отпечатка на нем 13 сентября не проводилось... Ну, что тут поделать, в этом вся наша замечательная Рабоче-крестьянская милиция – все начальство без всякой цели и толку соберется у трупа, чтобы просто поглазеть, а потом отрапортовать в Обкоме, но вот взять в поездку криминалиста с фотоаппаратом и дать ему фотоплёнки побольше – на это не хватит ни сообразительности, ни места в автомашине начальника. Увы!

Труп был доставлен в секционную 1-й городской больницы Свердловска и опознан в тот же день матерью. Убитым действительно оказался Вова Петров.

Старший оперуполномоченный Отдела уголовного розыска союзного Главка Артур Брагилевский сразу после идентификации трупа, найденного у Мыловаренного завода, возбудил формальное расследование и пожелал допросить главного свидетеля – Михаила Кириллова. И тут начались события по-настоящему детективные.

Юноша не явился в четвертое отделение милиции к 10:30 13 сентября, хотя его обязали это сделать накануне. Начальник отделения распорядился отыскать Кириллова, и после явки оперсотрудника и участкового в дом к последнему выяснилось, что Миша дома не ночевал. Как ушел в милицию во второй половине дня 12 сентября, так и пропал. Милиционеры отправились по месту работы Кириллова на Ватно-камвольную фабрику, и в отделе кадров сделали пренеприятнейшее открытие. Оказалось, что никакого Михаила Антоновича Кириллова там не знают, среди слесарей нет 15-летних мальчишек и, похоже, малец на допросе накануне все про себя наврал. Получив доклады подчиненных, начальник 4-го отделения РКМ Деев направил начальнику областного Управления РКМ Урусову рапорт, в котором, в частности, имелся и такой пассаж (стилистика и орфография оригинала сохранены): «Вчерашнее поведение Кириллова на допросе кажется странным, а именно: когда Кириллова стал спрашивать опер. уполномоченный Боженков, то Кирилов при допросе вел себя как-то боезливо, вплоть до того, что заплакал и говорил „Вы на меня составляете протокол, хотите меня судить, а я сдесь при чем“. Повода какого-либо к обвинению Кириллова сделано не было, и он допрашивался как свидетель. После допроса Кириллова я Кирилова хотел направить на вокзал в месте с пом. политом тов. Хохловым для розыска мальчика на вокзале, где поехать Кирилов на вокзал категорически отказался, заявил, что у него в цирк куплен билет за 12 рублей и ему надо итти его ждут товарищи».

Если не обращать внимания на чудовищные ошибки, орфографические и стилистические, то можно понять, что Миша Кириллов (именно так – с двумя «л» – он писал свою фамилию) здорово струхнул во время допроса 12 сентября. Он испугался до такой степени, что не явился даже домой на ночь, а пустился в бега, разумеется, сообразно своему пониманию того, как это надлежит делать. Такое паническое поведение довольно любопытно – перед нами еще один интересный штрих того времени – в мозгу маленького, малообразованного, неразвитого советского человека тех лет сотрудники НКВД ассоциировались с чем-то по-настоящему ужасным и коварным. Вряд ли 15-летний Миша Кириллов успел за свою недолгую жизнь плотно познакомиться с наркомвнудельцами, в своем отношении к ним он явно опирался на опыт родителей и старших товарищей, и можно понять, что этот опыт являлся далеко не позитивным. В мозгу Кириллова протокол допроса ассоциируется с судебным приговором и вызывает искренний плач, а предложение отправиться «на вокзал» кажется равносильным ссылке – «менты» посадят в поезд и отправят в Воркуту по-быстрому! Наверняка что-то такое подозревал бедолага Кириллов, а потому, выскочив из 4-го отделения, решил перейти на нелегальное положение, дескать, в дом не вернусь, дома – засада, спрячусь где-нибудь, пережду... В этой чудовищно искаженной рефлексии маленького человека перед нами предстают истинные реалии конца 1930-х гг., той эпохи, которая сейчас порой пафосно ассоциируется с «великими успехами индустриализации и перековки Человека». Помимо «великих успехов индустриализации» тогда еще был и Великий Страх!

На розыск важнейшего свидетеля немедленно были ориентированы все силы городской милиции – у домов родственников разместились засады, к друзьям и знакомым беглеца направились сотрудники в штатском, описание внешности молодого человека получили милиционеры пикетов на станциях железной дороги как в самом Свердловске, так и ближайших районов. Самая большая неприятность могла заключаться в бегстве за пределы области, чего нельзя было исключать ввиду того, что беглец располагал форой около 20 часов. Правда, у него не было паспорта и он не мог иметь сколько-нибудь серьезной суммы денег, так что к серьезному побегу он вряд ли был подготовлен хорошо, но...

К счастью, розыск важнейшего свидетеля не затянулся надолго. Беглец был обнаружен мирно спящим на голубятне одного из товарищей. Миша даже не подозревал, какой переполох в самых высоких кабинетах вызвала его выходка.

Кириллова доставили на допрос к Брагилевскому к 7 часам вечера. В отличие от допроса накануне, теперь разговор с молодым человеком пошел неспешно и куда более обстоятельно. Брагилевский, по-видимому, успокоил юношу, разъяснил, что тому не грозит наказание за попытку побега от милиции, и это помогло установлению должного психологического контакта. Возможно, сообщил, что Вова Петров убит, и рассказ Миши может очень помочь изобличению преступника. Трудно сказать, как именно Артур Брагилевский расположил к себе юношу, но контакт между ними явно установился – это видно по результату. Миша оказался намного словоохотливее, чем накануне, и сообщил весьма интересные детали. Вот в каких словах Кириллов описал увиденную со ступеней у книжного магазина сцену: «Вову вела за руку неизвестная мне женщина, которую я видел только сзади. Женщина и Вова шли в направлении улицы имени 8-го Марта. У Вовы в правой руке были небольшая палка и мороженое „эскимо“, шел он спокойно, не быстрым шагом. Увидев Вову, я окликнул его по имени, он оглянулся, засмеялся и продолжал идти с женщиной». Этот рассказ содержал важную деталь – мальчик обернулся, услышав свое имя, значит, ошибку опознания можно было исключить. Разумеется, в том случае, если Миша Кириллов не выдумывал всю эту историю от начала до конца. Но если не выдумывал, то очень важным представлялось описание внешности женщины, с которой Вова Петров уходил в направлении прямо противоположном тому, в котором находился его дом.

Вот что свидетель рассказал о внешности таинственной женщины: «...описать ее наружность я не могу. Я хорошо запомнил, что на ней было надето темно-синее длинное пальто намного ниже колен, на ногах и женщины были черные шелковые чулки и черные туфли на высоком каблуке. На голове был белый берет, из-под которого я видел короткие, завитые черные волосы... Я думаю, что эта женщина должна была слышать, как я окликнул Вову, так как крикнул я громко. После моего крика женщина не оглянулась и продолжала идти таким же шагом, [что и прежде]». Уже после окончания допроса Миша Кириллов пожелал сделать дополнение, и оно оказалось очень любопытным: «Дополняю: женщина, которая вела Вову, была высокого роста, полная, плечи – широкие, зад – толстый, талия сильно выделяется. На спине пальто в центре имеется продольная небольшая складка». Можно, конечно, улыбнуться «толстому» заду и «широким» плечам, но нельзя не признать, что свидетель постарался дать как можно более образный портрет и это у него получилось. Действительно, из того описания, что имеется, уже можно приблизительно понять, о какой женщине ведется речь. Одна только продольная складка на спине пальто чего стоит! Можно биться о любой заклад, что в Свердловске 1939 г. очень немногие женщины ходили в черных шелковых чулках и носили темно-синее пальто с продольной складкой на спине.

О чем идет речь? Это были ультрамодные для той эпохи аксессуары... В 1941 г., после начала Великой Отечественной войны, немецкие войска стали в огромных количествах захватывать в плен военнослужащих РККА. Из воспоминаний и писем домой немецких солдат и офицеров мы знаем, что они были удивлены тем обстоятельством, что у советских военнослужащих нет кальсон с трикотажными резинками – вместо этого советские солдаты и офицеры затягивали тесемочки. Не было в Советском Союзе производств, способных в заметных объемах производить трикотажную продукцию, поэтому трикотаж тогда был практически весь импортным и исключительно дорогим. И много позже, в счастливые годы «развитого социализма» чулки и колготки из дешевых синтетических волокон являлись дефицитом, даже детские хлопчатобумажные колготки было непросто купить, а что уж говорить про конец 1930-х! Шелковые же чулки были товаром за пределами по своей роскоши для воображения советского обывателя – пара таких чулок могла стоить на «черном» рынке (ибо в магазинах не прода-

валась) и 200 рублей, и 250 и даже 500 в зависимости от региона и личных симпатий продавца. Не надо думать, будто в Советском Союзе не было богатых людей – подпольные миллионеры существовали всегда.

В московском «елисеевском» гастрономе каждый день выставлялись на продажу дорогие вина ценою от 1 000 рублей и выше. В 1939—1940 гг. каждый день продавалось не менее дюжины таких бутылок – 15-20-25 штук. Это удивляло работников БХСС – сколько ж богачей ходит по столице?! И по этому поводу даже составлялись служебные записки с предложениями агентурными методами выявлять такого рода покупателей. Удивление сотрудников «ведомства щита и меча» понять можно – товарищ Сталин лично и вся страна работают над тем, чтобы устранить социальные и классовые противоречия, а тут, понимаешь ли, некие злонаправленные антиобщественные лица эти самые противоречия разжигают! И хотя провинциальный Свердловск конца 1930-х гг. жил намного беднее столицы, все же богатые по меркам своего времени люди были и тут. Не всех «красных баронов» вывели репрессии, организованные Дмитриевым и Викторовым, да и чего греха таить – на смену одним расстрелянным номенклатурным работникам всегда приходили другие. Кем могла оказаться дамочка, купившая Вове Петрову эскимо и уведшая мальчика в неизвестном направлении, старший лейтенант Брагилевский мог только гадать. Но было ясно, что эта женщина никак не могла быть уборщицей, санитаркой или валяльщицей шерсти с камвольного комбината.

На следующий день в секционной морга 1-й городской больницы городской судмедэксперт Грамолин провел вскрытие похищенного и убитого на Московском торфянике мальчика. В акте за №1160 от 14 сентября 1939 г. ребенок уже фигурировал под своим именем и фамилией – Вова Петров. В ходе внешнего и внутреннего исследования тела, а также осмотра найденной одежды Грамолиным зафиксированы следующие значимые для следствия детали.

При осмотре одежды и обуви судмедэксперт обратил внимание на то, что ботиночки развязаны, но шнурки не ослаблены. Белая рубашка, найденная возле тела, вывернута на «левую» сторону, по смыслу – наизнанку. Также отмечено большое число кровавых помарок на одежде, а именно:

- на правом рукаве рубашки в 3 см от манжета – кровавое пятно диаметром 2 см с четко очерченными краями;
- около самого края того же рукава – размытое пятно диаметром 1 см;
- в районе шва пятно 2 * 3 см;
- слева от ворота рубашки на расстоянии 4 см – 3 пятна красно-коричневого цвета размером 1 * 1,5 см, 1 * 2 см и 2 * 3 см. Границы смазаны. Возможно, о рубашку что-то вытирали (пальцы?);
- на подоле кровавый мазок размером 1,5*1 см. Также подол запачкан грязью.

С осмотром одежды связан важный момент, на который следует обратить внимание – на одежде отсутствовали следы порезов или протыкания холодным оружием. Это означало, что жертва была предварительно раздета и только после этого подверглась травмированию, в результате чего на одежду и попала кровь, то есть для преступника обнажение жертвы в начале нападения являлось принципиально важным моментом.

Внешний осмотр тела позволил судмедэксперту сделать нижеследующие заключения.

Труп правильного телосложения, достаточного питания.

В области половых органов по передней и внутренней поверхности бедер, а также частично на груди – разлитые трупные пятна бледно-лилового цвета. Это означало, что тело находилось в положении «лежа на груди».

Трупное окоченение было полностью выражено во всех членах, а значит давность наступления смерти не могла превышать 72 часа. Это полностью соответствовало той картине случившегося, что к тому моменту сложилась у правоохранительных органов.

Лицо синюшное, запачкано грязью, волосы на голове – светло-русые длиной до 3 см. Ушные раковины синюшного цвета, слуховые проходы чисты. Рот закрыт, язык частично высунут, кончик языка зажат зубами, губы – синюшны. В поясничном отделе описана метка, оставленная химическим карандашом, в форме вытянутого эллипса (это был обведен участок, на котором отпечатался след обуви).

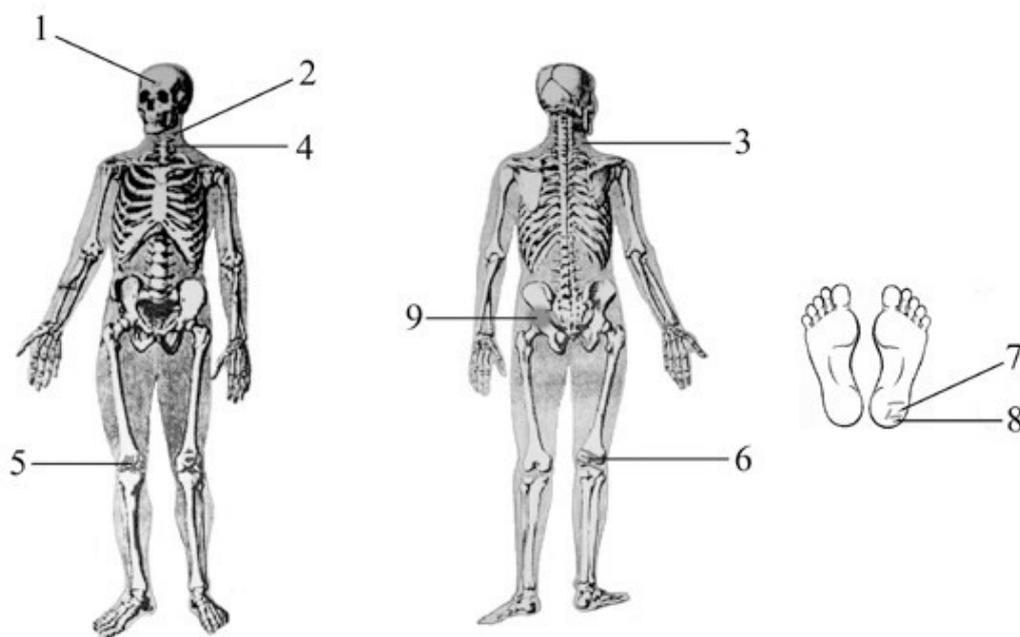
Половые органы сформированы правильно, соответствуют возрасту, видимых изменений не имеют. Заднепроходное отверстие закрыто, чистое. Повреждений в промежности и около заднего прохода не обнаружено.

При внешнем осмотре зафиксированы следующие телесные повреждения (см. анатомическую схему) :

– в области левого лобного бугра 3 ссадины темно-буро-багрового цвета размерами 0,9, 1 и 1,2 см, незначительная припухлость (позиция 1 на анатомической схеме);

– на левой щеке 2 пятна пергаментной плотности 0,8 * 0,3 см и 0,3 * 0,2 см; на подбородке аналогичные мелкие пятна. Все они – следы посмертного давления на кожу мелких предметов, возможно, каменной крошки;

– на боковых поверхностях шеи 7 поверхностных надрезов кожных покровов, все они почти горизонтальные на уровне подъязычной кости от одного угла нижней челюсти к другой. Длина надрезов от 7 до 12 см, подкожную жировую клетчатку надрезы не достигают (поз.2);

Анатомическая схема с указанием телесных повреждений Вовы Петрова, зафиксированных актом судебно-медицинского вскрытия №1160 от 14 сентября 1939 г.. На врезке показаны колото-резаные раны на левой пятке мальчика. Пояснения к схеме приведены в тексте.

– у края нижней челюсти справа на шее 3 ссадины темно-красного цвета длиной 1,0, 0,6 и 0,5 см и шириной до 0,2 см полулунной формы. Ссадины по форме похожи на следы ногтей пальцев рук (поз.3);

– 4 ссадины такого же характера на левой боковой поверхности шеи (поз.4);

– в области щитовидного хряща пятно ярко-красного цвета с поверхностными ссадинами размером 1,0 * 0,4 см;

– ниже 3 поверхностные царапины;

– на кожной поверхности живота и грудной клетки вдавленности и отпечатки мелких посторонних предметов, образовавшиеся при нахождении обнаженного трупа на грунте;

– в области правого колена на внутренней и передней стороне 5 поверхностных надрезов в направлении справа налево длиной от 4,0 до 6,0 см. (поз.5). «Эпидермис слегка отвернут снизу вверх, надрезы темно-бурого цвета без кровоизлияний». Отсутствие кровоизлияний указывает на посмертное происхождение этих повреждений;

– в правой подколенной ямке 3 поперечных надреза темно-красного цвета с кровоизлияниями; длины надрезов 7, 5 и 6 см. (поз.6);

– на подошве левой стопы у наружной стороны пятки резано-колотая рана длиной 1,5 см. Один край раны острый, другой – закруглен (указание на лезвие с односторонней заточкой с обушком). Глубина раны 1,0 см (поз.7);

– около указанной раны 4 поверхностных надреза длиной от 1,0 до 4,0 см (поз.8);

– на спине в районе первого позвонка грудного отдела пятно пергаментной плотности темно-багрового цвета размером 1,0 * 0,8 см;

– на левой ягодице кровоподтек размером 1,5 * 1,0 см. (поз.9)

При вскрытии тела и внутреннем осмотре обнаружены следующие повреждения:

– в мягких тканях шеи слева кровоизлияние размером 1,5 * 1,2 * 0,4 см, справа – 0,8 * 0,5 см. Также присутствовали мелкие кровоизлияния в тканях около гортани;

– в плевральных полостях отмечены редкие «пятна Тардьё» (точечные кровоизлияния, являющиеся значимым признаком асфиксии). Легкие отечны, на разрезе темно-красного цвета;

– в правой половине сердца жидкая темная кровь, на поверхности сердца масса мелких кровоизлияний («пятна Тардьё»);

– печень темно-красного цвета, на разрезе резко полнокровна. Почки умеренной плотности, на разрезе густо темно-красного цвета. Полнокровие внутренних органов, как и «пятна Тардьё» свидетельствовали о смерти от асфиксии;

– в желудке до 150 гр. хорошо измельченной густой пищевой массы, похожей на хлеб. Это указание на наступление смерти менее чем через 4 часа после последнего приема пищи;

– мочевой пузырь пуст. В кишечнике – присущее ему содержимое, в прямой кишке каловых масс нет. Со слизистой прямой кишки взят мазок для исследования с целью обнаружения сперматозоидов.

Для химического исследования взяты желудок с содержимым, почка, часть печени. Кроме того, для музея взят участок кожи с повреждениями. Из текста акта непонятно, какой именно участок взят и чем он привлек внимание Грамолина, при проведении вскрытий других малолетних жертв таинственного убийцы образцы не отбирались. Кстати, учитывая, что законсервированные в формалине биологические материалы могут храниться без повреждений столетиями, вполне возможно, что изъятый Грамолиным фрагмент кожи Вовы Петрова до сих пор находится где-то в сусеках кафедры судебной медицины Уральского государственного медицинского университета.

Вся совокупность признаков явственно указывала на смерть от удушения, сопровождающуюся умышленными действиями убийцы, направленными на усиление страданий умирающего посредством причинения колото-резаных ран. В заключении Грамолиным были выделены следующие основные моменты:

1) Ввиду наличия прижизненных повреждений на шее смерть мальчика Петрова классифицирована как насильственная.

2) Смерть последовала от асфиксии, обусловленной сдавливанием шеи руками. На асфическую смерть, по мнению эксперта, указывали отек, полнокровие мозга и легких, наличие темной крови в правой половине сердца, кровоизлияния под плеврой и эпикардом («пятна Тардьё»), выраженное полнокровие внутренних органов.

3) Повреждения на шее имели прижизненное происхождение и причинены острым оружием, видимо ножом. Они, по мнению эксперта, могли быть отнесены к разряду легких.

4) Повреждения на правом колене (надрезы) посмертного происхождения и также причинены острым оружием.

5) Принимая во внимание наличие многочисленных поверхностных надрезов ножом, носящих характер истязания, а также учитывая обстоятельства дела, можно предположить, что мальчик Петров В. стал жертвой неизвестного лица, удовлетворявшего свои извращенные чувства, вероятно, сексуального характера.

6) По своему характеру данное убийство напоминает убийства девочек 3-х лет Сурниной, Ханьжиной и т. п. (протоколы №802, 994 ...).

Принимая во внимание то, что Грамолин писал прежде, этот акт СМЭ следует признать почти образцовым и отвечающим на все основные вопросы следствия.

Найденные возле тела вязаные штанишки и белая рубашка со следами предположительно крови были направлены на исследование в химическую лабораторию. Цель исследования заключалась в подтверждении или опровержении факта присутствия на них крови человека. Также в лаборатории были исследованы мазки и ватный тампон, взятые из прямой кишки для обнаружения следов семенной жидкости. Лаборатория провела необходимую работу вне очереди, и результат был готов уже 19 сентября. Согласно полученным данным на рубашке оказалась человеческая кровь, что, в общем-то, было ожидаемо, а вот на штанишках кровь отсутствовала. Следов семенной жидкости найдено не было.

Помимо исследования одежды, судебно-химическая лаборатория провела комплексную проверку внутренностей на возможное использование для умерщвления мальчика различных видов ядов (летучих, металлических и органических). В принципе, ничто не указывало на то, что убийца прибежал к ядам, но поскольку расследование являлось приоритетным, курировавшимся Москвой, местные руководители решили, видимо, отработать так, чтобы никто ни в чем их впоследствии не упрекнул. На акте судебно-химического исследования за №466 отсутствует дата, так что мы не можем сказать, как быстро был подготовлен документ; скорее всего, работа с учетом срочности потребовала дней 7—10 и результаты были представлены следствию в последней декаде сентября. Никаких ядов судебно-химическое исследование не выявило.

Итак, согласно показаниям Миши Кириллова похищенный мальчик около полудня или чуть позже находился на Площади 1905 года и удалялся от дома в направлении улицы 8-го Марта. А вот согласно показаниям Марии Вяткиной чуть ранее Вова Петров был замечен совсем в другом месте – в сквере у спецолятора НКВД, то есть примерно в одном километре трёхстах метрах от площади. Причем если сквер находился на пути от дома жертвы к Московскому торфянику – что хорошо согласовывалось с местом последующего обнаружения трупа – то женщина, описанная Кирилловым, вводила похищенного мальчика от торфяника. Получалась какая-то несуразица! Кто-то из свидетелей, похоже, ошибался в своих рассказах, и здравый смысл подсказывал, что ошибался Миша Кириллов.

Однако не всё было так просто. Благодаря опросам жителей района площади Коммунаров милиционерам удалось обнаружить еще одного необычного свидетеля, полностью подтвердившего слова Кириллова. И, что представлялось особенно важным для следствия, этот свидетель никак не был связан с Мишей, а значит стговор можно было исключить. Лиза Бухаркина, девочка 11 лет, тоже видела Вову Петрова в компании женщины в синем пальто.

Ошибку опознания всерьез можно было не рассматривать, поскольку Лиза проживала на той же самой площади Коммунаров, что и семья Петровых, только в бараке №7. Вот что девочка рассказала о событиях полудня 12 сентября: «Когда я купила печенье и пошла обратно домой, то проходила через Площадь 1905 года. Я шла вдоль трамвайной линии и видела, что Вова шел с какой-то тетенькой по тротуару около книжного магазина, шли они мне навстречу. Тетенька шла ближе к магазину, левой рукой держала Вову за правую руку. Что это был именно

Вова, а не какой-то другой мальчик – это я знаю хорошо, т. к. я Вову сразу узнала». Разумеется, огромный интерес вызывало описание таинственной женщины, поскольку Бухаркина шла навстречу ей и расстояние между ними должно было исчисляться метрами. Но тут – вот уж воистину закон подлости! – следствие ожидал досадный сбой. Предоставим слово самой Лизе, добавить что-то к ее словам трудно: «На тетеньку я смотрела мало, поэтому не помню, какая она была, что у ней было на голове и на ногах. Тетенька эта уже не молодая, но и не бабушка. Несла ли что-нибудь эта тетенька в правой руке, я не помню, кажется, ничего не несла. Шли они быстро, а куда, я не знаю. Я думала, что тетенька эта какая-нибудь родня Вовы».

Увы, девочка описать внешность таинственной женщины не сумела и честно призналась, что опознать ее не сможет, но и без этого рассказ ее оказался ценен тем, что отлично дополнил показания Миши Кириллова. Это означало, что некая похитительница реально существовала – это не ошибка Кириллова и не его выдумка. Имелась в сообщении Лизы Бухаркиной еще одна важная для следствия деталь: девочка уверенно назвала время встречи на Площади 1905 года, поскольку ее поход за печеньем был жестко лимитирован и она оказалась вынуждена его отслеживать. Кириллов о времени встречи высказывался неопределенно, говорил, что встреча состоялась «примерно в полдень», поскольку молодой человек за временем не особенно следил. Воспоминания Лизы о событиях 12 сентября оказались куда точнее – по ее словам, встреча произошла в интервале с 13:00 до 13:30, то есть уже после того, как Петровы обнаружили исчезновение мальчика и подняли тревогу. Фактически оба свидетеля – Кириллов и Бухаркина – видели Вову Петрова после похищения, то есть наблюдали преступление в момент его совершения.

Все силы оперативного состава, которые управление милиции смогло выделить, были брошены на розыск таинственной женщины «не молодой, но и не бабушки», носившей синее пальто с продольной складкой на спине. О том, каковы были шансы на успех, заранее сказать никто не мог, поскольку опознавать пришлось бы не конкретного человека, а одежду. Как отмечалось выше, одежда по тем времена была приметной: шёлковые чулки, необычное пальто, туфли на каблучке – так одевались немногие, но если женщина осознанно пошла на обдуманное преступление, то и одежду она могла подобрать такую, в которой никто её ранее не видел и более не увидит. Если она действительно проявила такого рода предусмотрительность, то искать её можно будет долго и, строго говоря, безо всякого толку. До бесконечности...

Одновременно с розыском похитительницы Вовы Петрова прокуратура озаботилась установлением личности того, кто обнаружил тело убитого мальчика в торфянике. Через диспетчерскую службу железной дороги имени Лазаря Кагановича быстро отыскали обходчика, сделавшего заявление о трупе ребенка в лесу возле Мыловаренного завода, тот рассказал об обратившейся к нему женщине, представившейся пастухом Горземотдела. Поскольку женщина не пыталась его обмануть, отыскали ее быстро. Елена Александровна Буренина, 35 лет, действительно работала пастухом в паре со своей старшей сестрой Дарьей Александровной Стерлиговой и 12 сентября перегоняла стадо коров в районе Московского торфяника. Ещё имелся и третий пастух Василий, муж Бурениной, но во второй половине дня он отсутствовал, а потому отношения к произошедшему не имел ни малейшего.

Согласно показаниям Бурениной одна из коров отбилась от стада и сошла с дороги. Поскольку места в районе торфяных выработок топкие и корова могла увязнуть, Дарья Стерлигова помчалась за ней в лес и увидела там притопленного в неглубокой луже мертвого мальчика. Произошло это по утверждению Бурениной в 17 часов, трупа они, разумеется, не касались и ногой на него не наступали (то есть отпечаток ноги принадлежал не пастухам). Никаких людей, проходивших с детьми в лес или из леса, Буренина и Стерлигова не видели, не слышали также и подозрительных криков.

Стерлигова подтвердила детали рассказа младшей сестры. В принципе, ничего особенно ценного для следствия сестры не сообщили, самая интересная деталь в их рассказах – это ука-

зание на время обнаружения трупа. Если они не ошибались и действительно обнаружили тело мальчика в 17 часов, то это означало, что убийца носился по городу с похищенным ребенком как угорелый. Расстояние от места обнаружения тела до книжного магазина, возле которого Вову Петрова в 13:00—13:30 видели Кириллов и Бухаркина, никак не менее трех километров. И это по прямой! А по заболоченному лесу с трехлетним мальчиком двигаться по прямой вряд ли получится. Да и по городу не набегаешься, особенно если на каблуках. Хотя согласно русской поговорке «Для бешеной собаки сто верст – не крюк» к данному случаю эта житейская мудрость никак не подходила. Вряд ли к Московскому торфянику мальчика доставила та самая элегантно одетая женщина, которую видели на Площади 1905 года Кириллов и Бухаркина, но если это сделала не она, стало быть, преступников более одного?

В общем, ничего толком у следствия не сходилось. Даже не было до конца ясно, связано ли убийство Вовы Петрова с предыдущими случаями похищений и убийств детей. С одной стороны, имелось, вроде бы, определенное сходство в манере действий преступника – он душил ребенка, наносил ранения холодным оружием. Но в случае с Петровым ранения преимущественно были поверхностными, они скорее походили на царапины, в то время как в некоторых других эпизодах раны имели большую длину и глубину, так что даже кишки вываливались. Кроме того, в предыдущих случаях присутствовали указания на совершение посмертных анальных половых актов, но подобных специфических признаков на теле Вовы Петрова не имелось. Опять-таки в предыдущих убийствах свидетели видели похитителя и даже слышали его голос – это был юноша, но теперь в роли похитителя выступала зрелая женщина весьма respectable наружности. Во всех случаях нет оснований сомневаться в свидетельских показаниях – они получены от людей, не связанных между собой, и хорошо согласуются друг с другом. До известной степени особняком стояло и убийство Ники Савельева, там вообще не имелось следов применения холодного оружия, и в показаниях одного из свидетелей также фигурировала женщина, пытавшаяся увести ребенка из отдела «соки-воды» магазина «Динамо». Такое ощущение, что в городе действуют по крайней мере двое преступников, нападающих на детей, один из которых имитирует другого... Короче, думай, что хочешь!

В то самое время, когда все силы свердловской милиции были брошены на розыск женщины средних лет, одевавшейся в синее пальто с продольной складкой на спине, следователь по важнейшим делам Краснов настойчиво продолжал тянуть старые нити и дотошно изучать материалы прежних, оставшихся безрезультатными расследований. На этом пути его ждало в высшей степени любопытное открытие. Перечитывая следственные материалы по делу Лиды Сурниной, похищенной и убитой 27 июля, чье тело было найдено в лесу примерно в 900 метрах от железнодорожной платформы «Аппаратная», Краснов обратил внимание на невнятные упоминания жителей Пионерского поселка о каких-то рабочих, косивших сено на болоте примерно в том месте, в котором беглец с девочкой на руках скрылся в лесу. За несколько дней до описываемых событий неких людей с косами видели многие свидетели, но никто не знал, кто они такие – то ли работали от какой-то организации, то ли косили сами для себя. Ни имен, ни фамилий, ни даже точных дат – одни смутные упоминания, проигнорированные операми в первые дни и недели расследования. Краснов поручил разобраться с таинственными косарями сотрудникам уголовного розыска, и если в день похищения Лиды эти рабочие действительно косили траву, то разыскать их и доставить к нему для допроса.

Далее стало интереснее. Выяснилось, что лес за Пионерским поселком числился на балансе 2-го лесокультурного участка городского управления лесного хозяйства и там никакой хозяйственной деятельности – вырубки деревьев, выкашивания травы, прокладки дорог и т. п. – без должного согласования проводить нельзя. Без особых проблем отыскали объездчика, ответственного за эту территорию, некоего Мелентьева Петра Ефимовича, вполне положительного, прежде несудимого крестьянина 44 лет, и поинтересовались, кто там косил траву на болоте за улицей Ирбитской? Мелентьев без затей ответил, что этим добрым делом занима-

лись наши, дескать, люди, работники 2-го лесоучастка Сташков, Пучугин и Романюк. И даже он сам, Мелентьев, иной раз брал в руки косу, чтобы помочь товарищам в их ратном, так сказать, труде. После такого признания Мелентьева, разумеется, живо доставили к Краснову.

Объездчик лесоучастка живо припомнил 27 июля, в том числе и потому, что он видел мать похищенной девочки и даже разговаривал с нею сразу после совершения преступления. Вот его собственные слова из протокола: «Мне встретились плачущая женщина и с нею еще кто-то (очевидно, Галя Голикова – А. Р.), разыскивали похищенную девочку. Во время момента (похищения) я находился в конторе и самого факта похищения не видел... Видел ли кто-нибудь из работников нашего участка и кордона, как была похищена девочка, я не знаю, разговоров не слышал».

Краснов допросил и работников, косивших траву. Особое его внимание привлек Григорий Петрович Пучугин, 25-летний молодой мужчина, судимый в 1937 г. за хулиганство и отбывший 6-месячное заключение в исправительно-трудовом лагере. Учитывая специфику сексуальных покушений на детей, бывшие лагерные сидельцы вызывали вполне оправданные подозрения. Пучугин, уже имевший дело с правоохранительными органами и хорошо представлявший манеру ведения следствия, в своих показаниях оказался чрезвычайно лаконичен и никакой значимой информации не сообщил. Рассказ его о событиях 27 июля можно свести всего к одной фразе из протокола: «Может быть, преступник вместе с похищенной девочкой и проходил мимо нас, но я не видел его, не обратил внимания». То есть человек с таким увлечением косил траву, что даже не замечал, что вокруг происходит!

Краснов, разумеется, почувствовал неконтактность собеседника и попытался его расшевелить, задавая разного рода наводящие вопросы, но Григорий держался настороженно и от выбранной линии (дескать, ничего не видел, ничего не знаю) не отступил ни на йоту. Лишь лаконично уточнил: «О том, что похищена девочка, я узнал только тогда, когда поднялась суматоха, когда по болоту и по нашему сенокосу стали ходить люди, разыскивавшие девочку». В другой ситуации Григорий Пучугин мог бы всерьез и надолго сделаться объектом оперативной разработки, но тот факт, что он работал в тот день не один и по единодушным показаниям свидетелей сенокоса не покидал, отвел от него подозрения. Интересный след, взятый было Красновым, так никуда и не привел...

Однако буквально через 10 дней появился другой след, также связанный с похищением и убийством Лиды Сурниной. Агентура уголовного розыска сообщила, что жительница Пионерского поселка, некая Надежда Четкина, демонстрирует подозрительную осведомленность о деталях преступления. Надежда Ануфриевна, бойкая на язык дама 31 года, работала делопроизводителем механических мастерских железной дороги имени Лазаря Кагановича и жила на улице Пионеров в доме №29. Это был тот самый дом, в котором проживала семья Сурниных во время похищения дочери Лиды, однако Четкина в то время квартировала совсем в другом районе и не могла быть в курсе случившегося. С Сурниными она не была знакома, поскольку те не имели отношения к железной дороге, и потому причину ее хорошей осведомленности, разумеется, следовало выяснить.

Брагилевский допросил Надежду 26 сентября, и вопреки ожиданию история обернулась полной чепухой. Говорливая мадам моментально поняла причину интереса к ее персоне со стороны уголовного розыска и максимально дистанцировалась от происшедшего, заявив, что ничего о преступлении и преступнике не знает, зато об этом знает хозяйка дома, в котором Четкина квартирует. Собственно, эта часть рассказа Четкиной звучала так: «Моя хозяйка по квартире, Дурымонова Евдокия Федоровна, говорила мне, что она знает фамилию и адрес людей, которые видели преступника, уводившего Лиду, люди эти живут недалеко от дома, где проживаю я, они якобы говорили Евдокии Федоровне, что преступник выглядит очень молодо». Евдокию Дурымонову в уголовном розыске хорошо знали, поскольку ее обстоятельно

допрашивали еще в день похищения Лиды Сурниной. Как раз с нею Надежда Сурнина, мать убитой девочки, и разговаривала в момент похищения.

В этом месте Брагилевский, должно быть, испытал вполне оправданное чувство досады: он, опытный сотрудник уголовного розыска, командированный в Свердловск для помощи в сложнейшем расследовании, тратит свое время на глупейшие бабские сплетни и пустую говорильню, в то время как жестокий убийца, должно быть, просто хохочет над беспомощными потугами угро подступиться к нему! И хотя след никуда не вел, начатое дело необходимо было довести до конца хотя бы для того, чтобы позатыкать рты болтунам из Пионерского поселка. Всем, с кем общались оперсотрудники угро, настоятельно рекомендовалось не передавать посторонним содержание опросов и допросов, но тем не менее постоянно находились разного рода вздорные людишки, которые трепали языками направо и налево. НКВД не мог допустить, чтобы досужие сплетни подогревали всеобщий ажиотаж, связанный с исчезновениями и убийствами детей. Брагилевский допросил Дурымонову, записал ее очевидные объяснения, из которых следовало, что семья Голиковых видела похитителя, и, по-видимому, настоятельно посоветовал Евдокии Федоровне впредь воздерживаться от праздных разговоров на провокационные темы. «Компетентные органы» разбираются с этим делом и обязательно разберутся, а вот обывательская болтовня делу не поможет и до добра не доведет.

Примерно в те же самые дни, то есть в последнюю неделю сентября, старший оперуполномоченный Брагилевский узнал об убийстве Герды Грибановой, произошедшем, как мы помним, еще в июле 1938 г. Прежде это преступление не упоминалось в одной связке с серией таинственных исчезновений детей в Свердловске летом 1939 г., его официально как бы не существовало. Ни следователь по важнейшим делам Краснов, ни старший оперуполномоченный Брагилевский не допрашивали свидетелей и подозреваемых по убийству Грибановой, и это убеждает нас в том, что они ничего о нем не знали (так же как и о похищении Бори Титова, кстати). Но в конце сентября информация о похищении и убийстве на улице Первомайской, с которого началась эта книга, каким-то образом до Брагилевского дошла.

И ему пришлось задуматься над тем, что нападение на Раю Рахматуллину, совершенное 1 мая 1939 г., вполне возможно, явилось отнюдь не первым эпизодом. Преступлений, вероятно, больше, чем думали Краснов и Брагилевский, вопрос лишь в том, насколько больше?

Гораздо хуже этого неприятного открытия являлось непонимание природы преступлений, которые правоохранительные органы безуспешно пытались расследовать, и отсутствие четких критериев, позволявших осуществить селекцию имевших место нападений и объединить схожие эпизоды в единую цепочку, отбросив при этом те, которые не являлись делом рук разыскиваемого изувера. Ведь в одних случаях жертве наносились только поверхностные ранения – уколы или царапины, в других – проникающие протяженные ранения, в одном эпизоде вообще не имелось колото-резаных ран, две жертвы оказались помещены в воду, две – брошены камнями и ветками в лесу, с частью жертв вроде бы преступник осуществлял посмертные половые акты, а с частью – нет... Как к этому относиться? Как это нужно расценивать?

Все эти, ну, или подобные им, размышления Артура Брагилевского завершились довольно неожиданным для уголовного розыска тех лет шагом. Сейчас бы мы сказали, что он предпринял попытку ситуационного анализа известных ему эпизодов, призванного решить задачу реконструкции поведения преступника и объяснения отдельных поведенческих стереотипов. Старший оперуполномоченный проанализировал и систематизировал накопленные следственные материалы, выписал все непонятные и требующие разъяснения детали и обратился к заведующему Областной судебно-медицинской лабораторией Устинову с предложением дать экспертное заключение по ряду эпизодов убийств малолетних детей, в котором уважаемому профессору надлежало ответить на многочисленные вопросы, не разъясненные прежде его коллегами – судебными медиками. Порфирий Васильевич выполнил поставленную задачу, и его работа заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее.

Глава II. Экспертиза профессора Устинова

К последней декаде сентября 1939 г. старший оперуполномоченный союзного угро Артур Брагилевский еще ничего не знал о январском похищении Бори Титова, нападении на Нику Плещеву летом прошлого года, исчезновении в Нижнем Тагиле Риты Фоминой, а также многих иных схожих и не очень случаях исчезновений или нападений на детей. Ему было известно об убийстве Герды Грибановой летом 1938 г., ранениях Рахматуллиной и Губиной в мае и июне 1939 г. и последовавших за этим похищениях и убийствах Камаевой, Ханьжиной, Сурниной, Петрова и Савельева – всего 6 случаев убийств и 2 – ранений малолетних детей.

Преступления эти были схожи между собой и вместе с тем несхожи, какие-то существенные детали объединяли одни эпизоды, но при этом не встречались в других. Это вызывало множество важных для следствия, но – увы! – безответных вопросов. Помимо того, что картина преступлений сама по себе представлялась запутанной и, прямо скажем, неочевидной, дополнительный «информационный шум» вносила не всегда качественная работа судмедэкспертов. Многие важнейшие детали они в своих актах исследования трупов или обследования живых либо обходили молчанием, либо касались их совершенно невнятно и между делом. Чтобы было понятно, о чем идет речь, уточним, что в актах исследований трупов нет указаний на давность наступления смерти, хотя этот вопрос, строго говоря, является для любой судмедэкспертизы первейшим. И другой вопрос из той же серии – о возможном изнасиловании жертв или сексуальных манипуляциях с их половыми органами – часто оставался без ответа.

Можно понять раздражение и Краснова, и Брагилевского, когда они натыкались на словесную эквилибристику Грамолина вроде этой: «состояние заднепроходного отверстия не исключает возможность того, что жертва стала объектом удовлетворения извращенного полового чувства» – и задумывались над тем, как же эту демагогию им надлежит понимать. Совершал половой акт преступник или нет?! Оперсотрудник должен отдавать себе отчет в том, кого же именно он ищет – импотента, неспособного к совокуплению, или вполне дееспособного в половом отношении убийцу? Сексуальные преступники часто вводят в полости своих жертв инородные предметы: бутылки, палки, черенки лопат, болты и т. п. – и судмедэксперт должен разъяснить, разумеется, в меру своей компетенции, что же произошло с погибшими, имел ли место половой акт (коитус) в традиционном понимании, или же убийца лишь имитировал его, вводя и извлекая некие посторонние объекты.

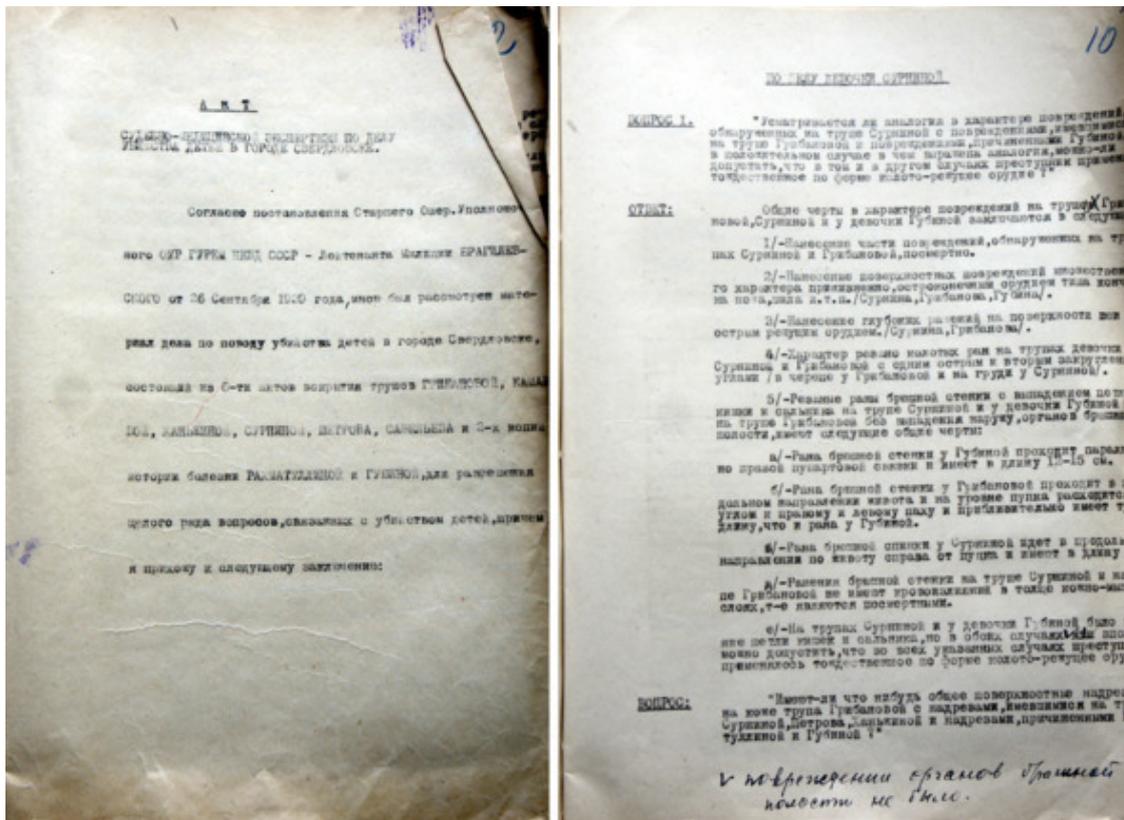
Брагилевский, вчитываясь в медицинские документы, всё более убеждался в том, что слишком многого не понимает в действиях преступника (или преступников) и нуждается в своего рода подсказке. Или разъяснении компетентного специалиста, если угодно.

Московской сыщик обратил внимание на следующие весьма важные, но не вполне понятные детали расследуемых преступлений:

1) Некоторые жертвы во время нападений получали чудовищные колото-резаные раны груди и брюшной полости, затрагивавшие половые органы и даже приводившие к полной ампутации конечностей. Другим жертвам холодным оружием причинялись ранения поверхностные, напоминавшие скорее царапины, нежели порезы. Одна из потерпевших получила только колотые ранения. И наконец, одна вообще не имела ранений, причиненных холодным оружием, и умерла от удушья, если верить заключению Грамолина. Как столь разные манеры криминального поведения могут совмещаться одним преступником?

2) Одна из выживших жертв посягательства – Рая Рахматуллина – оставалась во время медицинского осмотра через несколько часов с момента нападения вялой и инертной. Другая – Аля Губина – подверглась нападению и получила чудовищные раны, находясь в нескольких десятках метров от шумной компании, которая ничего подозрительного не увидела и не услышала. Можно ли допустить использование нападавшим некоего одурманивающего средства,

способного лишить ребенка возможности не только убежать или оказать сопротивление, но даже крикнуть?

Фрагменты экспертизы проф. Устинова.

3) Сколько времени преступник должен проводить рядом с жертвой, учитывая весьма необычный характер его посягательства? Ещё до нанесения ран он раздевал ребенка, затем следовало собственно нападение, то есть нанесение ранений и умерщвление, и уже после этого, если верить заключениям судмедэкспертов, убийца осуществлял половой акт. Как долго может продолжаться такое преступление? 5 минут? Четверть часа? Может быть, преступник вообще возвращается к трупу спустя продолжительный интервал времени?

4) Из актов судебно-медицинских исследований совершенно непонятна последовательность травмирования жертв. Какие из ранений наносились посмертно и были ли таковые вообще? Чем руководствовался преступник в своих действиях после умерщвления жертвы?

Мы не можем влезть в голову давно умершего детектива и понять, что он думал в далёком от нас сентябре 1939 г. о перспективах проводимого расследования, но у нас есть замечательная возможность взглянуть на ситуацию его глазами, поскольку Артур Брагилевский оставил нам интереснейший документ – отношение от 26 сентября на имя заведующего областной лабораторией СМЭ Порфирия Васильевича Устинова, в котором предложил последнему подготовить экспертное заключение по нескольким произошедшим в Свердловске случаям нападений на малолетних детей и ответить в нем на ряд поставленных вопросов. Строго говоря, вопросов этих набралось аж 41, и они чрезвычайно интересны в двух аспектах – из их содержания ясно, что более всего смущало оперативного работника либо вызывало его недоумение, а из полученных ответов можно заключить, как советская судебная медицина трактовала те или иные неочевидные обстоятельства и детали. Воспроизводить целиком ответы профессора Порфирия Устинова вряд ли имеет смысл – документ, во-первых, весьма велик по объему (16 машинописных листов), во-вторых, не соответствует формату настоящей книги,

которая является работой скорее популярной, нежели научной, а в-третьих, специфика изложения Устиновым материала такова, что его чтение превращается в весьма утомительный труд. Поэтому мы ограничимся перечнем вопросов Брагилевского и ответов Устинова, по возможности удалив из исходного текста канцеляризм, упростив и сократив текст.

Итак, пойдём по порядку, перечисляя вопросы и приводя самую существенную часть ответов эксперта.

По результатам ознакомления с материалами судебно-медицинского исследования трупа Герды Грибановой у лейтенанта Брагилевского появились 6 вопросов:

1) Является ли расширение заднепроходного отверстия результатом гнилостных процессов или это следствие введения постороннего предмета? Ответ однозначен – это следствие введения постороннего предмета, без вариантов, так сказать.

2) Сколько времени могло потребоваться преступнику для нанесения повреждений, обнаруженных на теле Грибановой? Ответ оказался уклончив: если повреждения наносились последовательно без перерывов, то от нескольких минут, но если в процессе травмирования имелись промежутки, то ответить на заданный вопрос не представляется возможным.

3) Каким орудием пользовался преступник? Тут надо понимать, что судебная медицина тех лет, описывая телесные повреждения, оперировала большим числом разнообразных видов холодного оружия, способных эти повреждения причинять: колющее (кортик, гвоздь); колюще-режущее (нож); рубящее (топор, колун); дробящее (кистень, дубинка); тупое (бутылка); тупогранное (металлический прут). Кроме того, допускалась возможность различного вида комбинаций холодного оружия, например, дубина с набитыми гвоздями считалась орудием колото-дробящего действия. Поэтому вопрос Брагилевского не следует считать наивным или неуместным, его интересовало мнение эксперта, который разбирался в разновидностях холодного оружия и повреждениях, наносимых таковым. Профессор Устинов в своем ответе указал на наличие на трупе Грибановой двух типов телесных повреждений – происходящий от колото-режущего орудия и травмирование правого виска тупым орудием. Сила удара последним оказалась не очень велика, поскольку вещество мозга, несмотря на тонкость костей черепа девочки, грубых повреждений не получило.

4) Отчего умерла Герда Грибанова: от асфиксии или паралича сердца? Сколько времени прошло с момента наступления смерти до проведения вскрытия тела? Вопрос этот более чем уместен. Дело в том, что в акте судебно-медицинского осмотра и исследования трупа Грибановой эксперт Сизова в акте под №877 от 17 июля 1938 г. указала на паралич сердца как причину смерти. А как мы знаем из последующих событий, это не соответствовало тому, что наблюдалась в других эпизодах, когда причиной смерти детей признавалась асфиксия. Ответ профессора оказался однозначен: смерть Грибановой последовала от первичной остановки сердца, данных, указывающих на асфиксию, в акте СМЭ не имеется. Состояние тела соответствовало давности смерти не менее чем 2—3 суток до момента проведения вскрытия, то есть убийство имело место 14 июля. Напомним, что девочка исчезла около 21 часа 12 июля 1938 г.

5) Как долго Герда Грибанова могла жить после получения удара в висок, который, по мнению эксперта Сизовой, предварял нападение? Профессор Устинов посчитал, что жертва после этого удара «могла потерять сознание мгновенно, но смерть могла наступить не сразу вслед за ударом, а через некоторый промежуток времени».

6) Какие ранения являлись прижизненными, а какие – посмертными? Прижизненным или посмертным явилось отчленение правой руки и ноги жертвы? Эксперт дал универсальный ответ на этот вопрос: прижизненны те ранения, в районе которых отмечены кровоизлияния, соответственно там, где таковых нет, повреждения являются посмертными. Отделение руки и ноги профессор Устинов, основываясь на описании прилежащих к местам разрезов областей, посчитал посмертным.

Интересен следующий момент, связанный как с убийством девочки, так и анализом его обстоятельств. Из данных судебно-медицинского осмотра известно, что на шее трупа имелся глубокий опоясывающий разрез, достигавший позвоночника. Вопросов о природе этого ранения у Брагилевского почему-то не возникло, а сам профессор Устинов заострять на нём внимание не стал, а жаль! Поскольку разрез этот, возможно, был сделан преступником с целью декапитации (обезглавливания) жертвы. Сначала убийца отделил ногу в колене, затем – руку, затем решил попробовать отрезать голову... Налицо экспериментирование с трупом – поведенческая девиация, хорошо известная современным криминалистам, занимающимся расследованием серийных убийств. Для такого рода «экспериментов» убийц с телами жертв существует даже особый термин – «игра с трупом». Это своего рода развлечение преступника, изучение возможностей своего оружия, да и собственных сил. Так он может «играться» довольно долго, пока не пресытится или не потеряет интерес к трупу. В случае с попыткой отделения головы Герды Грибановой преступник столкнулся с неожиданной для него проблемой: выяснилось, что отделить голову гораздо сложнее, чем руку или нижнюю часть ноги. Это объективно так и есть. Кроме того, вполне возможно, что убийце помешали завершить начатое... К сожалению, нет детального описания разреза и фотографий судебно-медицинского осмотра, возможно, они бы смогли прояснить данную деталь.

Запомним сейчас это обстоятельство – у нас впоследствии возникнет необходимость внимательно и придирчиво проанализировать материалы следствия, и мы увидим, что похищение и убийство Герды Грибановой – во многих отношениях странное и не объясненное до конца преступление. Именно поэтому остается искренне сожалеть о том, что старший оперуполномоченный Брагилевский не задал профессору Устинову вопрос о возможной попытке убийцы отделить голову жертве – услышать мнение эксперта по этому поводу было бы чрезвычайно интересно.

Впрочем, вернемся к тексту судмедэкспертизы Устинова.

По обстоятельствам нападения на Раю Рахматуллину у старшего оперуполномоченного союзного угро Брагилевского имелись 8 вопросов:

1) Возможно ли появление повреждений на голове девочки в результате падения или нескольких падений? Эксперт без колебаний заявил о причинении ранений посторонней рукой, указав на то, что «очень трудно представить себе возможность причинения таких повреждений при падении девочки».

2) Какого рода орудием причинены повреждения Рае Рахматуллиной и сколько времени потребовалось бы для этого? По мнению профессора Устинова, кровоподтек в области правого глаза был причинен тупым орудием, остальные поверхностные ранки – неким острым, вроде ножа, шила и т. п. Нападение могло длиться от полуминуты до нескольких минут.

3) Как можно объяснить вялость и сонливость ребенка после нападения? Судмедэксперт указал, что подобная реакция нервной системы жертвы может быть обусловлена различными факторами, которые могли действовать как в сочетании друг с другом, так и независимо: нервным потрясением вследствие испуга; чрезмерной болевой реакцией, вызвавшей шок; использованием преступником снотворного, например, хлороформа, поднесенного к носу жертвы на ватке или носовом платке.

4) Могло ли истязание ребенка явиться стимулом для удовлетворения извращенных половых потребностей? Ответ профессора Устинова оказался вполне предсказуемым, если не сказать очевидным. Эксперт согласился с тем, что подобные истязания могли являться стимулом для удовлетворения половых потребностей.

5) Имеется ли нечто общее в характере повреждений, причиненных Рае Рахматуллиной, и повреждениями на шее Вовы Петрова, и если да, то в чем это сходство выражается? Подтекст данного вопроса вполне очевиден – старший оперуполномоченный искал доказательство того, что в обоих эпизодах действовал один преступник. Профессор Устинов указал на общие

черты, присущие травмированию Рахматуллиной и Петрова: 1) поверхностное расположение повреждений в верхних слоях кожи на лице первой и шее второго, 2) использование для причинения травм схожего остроконечного орудия, типа кончика ножа или шила, 3) множественность ранений, причиненных в обоих случаях, 4) наличие у Рахматуллиной двух поверхностных линейных ран на шее и аналогичных им трех царапин на шее Петрова, в обоих случаях длина ранок колебалась в пределах от 0,5 до 1 см и, наконец, 5) наличие кровоподтеков в области левого лобного бугра у Петрова и в районе правого глаза у Рахматуллиной, позволяющих предположить, что «указанные повреждения могли быть причинены перед истязанием с целью оглушения жертвы в обоих случаях».

б) Существует ли какая-то система в распределении повреждений, нанесенных Рае Рахматуллиной, и что общего в этой системе с ранениями, обнаруженными на теле Петрова? Эксперт при ответе на этот вопрос указал на наличие синяка на лбу Петрова и кровоподтека под глазом Рахматуллиной, но заявил, что «выявить определенную систему в распределении повреждений нет возможности». Что, в общем-то, вполне ожидаемо, принимая во внимание очевидную ограниченность статистической выборки всего двумя эпизодами...

7) Брагилевский задал очень важный для следствия вопрос о состоянии половых органов и заднепроходного отверстия Раи Рахматуллиной, из чего можно понять, что он допускал возможность если не полового акта, то каких-то сексуальных манипуляций со стороны преступника, но профессор Устинов остановил все рассуждения на эту тему следующим образом: «В истории болезни описания наружных половых органов у Рахматуллиной не имеется, а судебно-медицинской экспертизе девочка подвергнута не была». Если говорить совсем точно, то формальное судебно-медицинское освидетельствование состоялось, о чем в своем месте написано достаточно подробно, акт за №1705 от 17 мая 1939 г. подшит к следственным материалам и прекрасно сохранился. Вот только освидетельствование это проводилось формально, по больничной истории болезни, без непосредственного осмотра и опроса потерпевшей, потому и толку от этой бумажки чуть. Вопрос Брагилевского – вполне оправданный и в самом деле важный для правоохранительных органов – повис в воздухе, и профессор Устинов ничем помочь в данной ситуации не мог. Безответственность и лень, проявленные его подчиненными пятью месяцами ранее, вышли тут, как говорится, боком.

8) В каком положении находилась Рахматуллина во время нанесения ей телесных повреждений? По мнению судмедэксперта, девочка могла находиться в самых разных положениях, за исключением такого, при котором исключалось бы травмирование правой стороны головы, то есть ее не могли прижимать, например, к стенке или доске правой частью головы. Прямо скажем, смысл этого вопроса не совсем понятен, поскольку сама Рая довольно ясно описала обстоятельства нападения и Брагилевский должен был понимать, что объяснения потерпевший звучат вполне убедительно и достоверно.

Больше всего вопросов (11) возникло у Брагилевского по эпизоду, связанному с нападением на Алевтину Губину. Это преступление и в самом деле можно отнести к разряду самых запутанных и необычных, прежде всего по причине удивительной скрытности преступника, оставшегося незамеченным, и невероятной везучести сохранившей жизнь жертвы.

Вопросы Брагилевского касались следующих аспектов случившегося:

1) Каковы характер и тяжесть телесных повреждений Али Губиной? Профессор Устинов указал на многообразность полученных жертвой повреждений – это и кровоподтеки, и ссадины, и царапины, и ранения холодным оружием, которые по своей тяжести должны относиться к тяжким.

2) Каким оружием пользовался преступник при ранении скуловой области справа и подвздошной области справа? Чем причинялись царапины подвздошной области справа? Какое орудие было использовано при причинении раны подвздошной области через одежду? В последнем случае, строго говоря, никакого ранения не причинялось, там имел место един-

ственный прокол платья лезвием шириною 8 миллиметров (в своем месте об этом сказано достаточно), но мысль Брагилевского, в общем-то, понятна – он хотел услышать мнение судмедэксперта о возможном оружии. Выше уже упоминалось, что орудие это ввиду узости лезвия не могло быть обычным ножом и походило на карманный складной ножичек (перочинный). Устинов ответил на этот вопрос – распадавшийся фактически на три – следующим образом: ранения скулы справа и нижнего века правого глаза, описанные как «рваная рана», причинены тупым орудием. Другими словами, это мог быть кастет, кулак, рукоять ножа... Царапины причинены остроконечным орудием типа кончика ножа, шила и т. п. Резаная рана брюшной стенки могла быть причинена ножом или заточенным шилом.

3) Что общего в ранениях правой подвздошной области Губиной и повреждениях лица Рахматуллиной и трупа Петрова? Какого рода орудие использовалось для причинения царапин во всех трех указанных случаях? Судмедэксперт посчитал, что упомянутые эпизоды сходны множественностью поверхностных повреждений, не проникающих в глубину кожи. В качестве орудия, использованного для причинения ранений, мог служить нож, шило и т. п.

4) На удалении около 50 м от места нападения на Алю Губину располагалась компания людей. Какими средствами мог воспользоваться преступник для того, чтобы воспрепятствовать крику жертвы? Брагилевский наверняка сам прекрасно знал, какие действия должен был предпринять нападавший, чтобы девочка не закричала, но его интересовало суждение медицинского специалиста. Профессор Устинов ответил безукоризненно: «Препятствовать крику девочки Губиной преступник мог: 1) оглушив ребенка ударом тупого орудия в правую височную область...; 2) зажав отверстие рта и носа ладонью своей руки; 3) сжав рукою боковые поверхности шеи, следствием чего и явились кровоподтеки на указанных областях...».

5) Брагилевский обратил внимание на вялость и апатичность, отмеченные у Рахматуллиной, и аналогичные симптомы, наблюдавшиеся у Губиной, а потому спросил без лишних экивоков: «...не дает ли это основание предполагать, что в том и другом случае было применено какое-то средство для усыпления ребенка – хлороформ?». Судмедэксперт ответил иносказательно, избежав однозначности. Он указал на то, что состояние Губиной «может быть объяснено шоком, общим тяжелым состоянием в результате большой потери крови...». Другими словами, версию про использование убийцей хлороформа профессор Устинов не поддержал, хотя в случае с Рахматуллиной сам же допустил возможность применения усыпляющего средства.

6) Следующий вопрос старшего оперуполномоченного Брагилевского касался очень деликатной области – состояния половых органов и заднего прохода Алевтины Губиной. Подтекст понятен – имело ли место покушение на половую неприкосновенность ребенка? Устинов ответил очень интересно, процитируем: «...высказаться по этому вопросу не представляется возможным за отсутствием данных в материалах дела, а также за отсутствием судмедэкспертизы девочки Губиной». Ответ судмедэксперта обескураживает, к нему, как говорится, ни прибавить – ни отнять. Как и в случае с Раей Рахматуллиной, формальное заключение судмедэксперта летом 1939 г. основывалось на больничной истории болезни и невнятном рассказе самой жертвы, освидетельствование девочки не проводилось. Конечно, сексуальный мотив нападавшего казался вполне очевиден – это следовало из самого факта раздевания жертвы, но ничего более определенного нельзя было утверждать. В общем, перед нами еще одна явная недоработка как свердловских пинкертонеров, не настоявших на полноценной экспертизе раненого ребенка, так и судебных медиков, не пожелавших проявить разрешаемую законом инициативу и ограничившихся при исполнении обязанностей лишь формальным минимумом.

7) Могли ли повреждения, причиненные Губиной, явиться стимулом для удовлетворения извращенных половых потребностей? В какой последовательности эти повреждения могли наноситься? Как и в случае с нападением на Рахматуллину, профессор Устинов признал, что проявленный преступником садизм являлся стимулом для удовлетворения полового чувства:

«...мучения, испытываемые жертвой, вид крови, могли явиться моментами, возбуждающими половую деятельность предполагаемого преступника», – заключил судмедэксперт. Высказываясь о последовательности травмирования, Порфирий Устинов предположил, что нападение началось с попытки душения, после которой на шее жертвы остались кровоподтеки размерами 2 * 3 см. Душение осуществлялось голыми руками. Девочка, скорее всего, потеряла сознание в процессе душения и последующие повреждения она получила в бессознательном состоянии. Этим до известной степени может быть объяснено и то, что находившиеся неподалеку на пикнике люди не слышали криков жертвы. Последней, по мнению Устинова, была нанесена проникающая рана брюшной полости, сопровождавшаяся выпадением части кишечника и сальника.

8) Сколько времени могло потребовать нанесение ранений, описанных в истории болезни Губиной? Тут профессор Устинов остался верен себе и написал то же, что и ранее в ответах на аналогичные вопросы – от полуминуты до нескольких минут.

9) Могла ли жертва с описанными повреждениями самостоятельно передвигаться, и как долго могла прожить без оказания медицинской помощи? Вопрос интересный, хотя и не очень важный, поскольку сугубо умозрительен. Мы знаем, что Аля Губина не перемещалась и место ее обнаружения явилось местом нападения, – на это однозначно указывает снятое с девочки платье, найденное на удалении от нее менее метра. По мнению профессора Устинова, девочка после получения ранений сохранила возможность самостоятельно передвигаться и могла бы прожить без медицинской помощи «несколько часов».

10) В каком положении находился ребенок во время причинения ему телесных повреждений? Судмедэксперт вполне ожидаемо ответил, что при нанесении последних ранений, то есть брюшной стенки и груди, Губина находилась в положении «лежа на спине», то есть лицом к нападавшему. Кстати, если бы профессор Устинов продолжил свою мысль, то ему бы пришлось написать, что преступник для причинения ран в описанном положении должен был держать нож в левой руке, то есть убийца – леворукий. Но – увы! – профессор ничего подобного не написал, а старший оперуполномоченный нужного вопроса не задал, хотя они оба подошли очень близко к важному открытию. Но видимо, обоим не хватило профессионализма, смелости и наблюдательности...

11) Каково происхождение кровоподтеков на шее Али Губиной? Есть ли нечто общее в этих кровоподтеках с теми, что отмечены на шеях трупов Петрова, Савельева, Ханьжиной и Сурниной? Профессор Устинов посчитал, что кровоподтеки происходят вследствие сдавливания шеи руками преступника. Аналогичные следы присутствуют на трупах Савельева и Ханьжиной. У последней на шее остались также следы ногтей пальцев рук. Следы ногтей имеются и на шее трупа Вовы Петрова, хотя следы самих пальцев не выражены. Кроме того, на телах Петрова и Сурниной присутствуют поверхностные повреждения кожи, оставленные неким острым орудием вроде шила.

Относительно телесных повреждений Лиды Сурниной старший оперуполномоченный Брагилевский сформулировал 7 вопросов. Все они достаточно интересны и показывают, что лейтенант явно склонялся к тому, чтобы рассматривать хотя бы часть из известных ему преступлений как эпизоды преступного пути одного и того же лица. Рассмотрим внимательнее, что же это были за вопросы:

1) Имеется ли аналогия между телесными повреждениями Сурниной и теми повреждениями, что были зафиксированы при осмотре трупа Грибановой? Аналогично ли травмирование Сурниной тому, что получила Губина? Если ответ положителен, то в чем выражается аналогия? Можно ли считать, что во всех трех случаях преступник применял тождественное колото-режущее орудие? Вопрос, конечно, очень объемный, и сам по себе заслуживающий отдельной экспертизы, но профессор Устинов подошел к поставленной задаче очень ответственно: не только дал ответ, но и объяснил свою точку зрения весьма дотошно. По его мнению, убийства Герды Грибановой и Лиды Сурниной, а также ранение Али Губиной действи-

тельно имеют общие черты, а именно: у всех трех часть поверхностных ранений нанесена прижизненно остроконечным орудием типа шила; часть ранений нанесена Сурниной и Грибановой посмертно; на шеях Сурниной и Грибановой имеются глубокие резаные раны; колото-резаные раны на трупах Сурниной и Грибановой причинены орудием, имеющим один острый край и второй – закругленный, что хорошо видно по ранам на груди Сурниной и в черепе Грибановой; имеется схожесть в резаных ранах брюшной стенки Сурниной, Губиной и Грибановой, заключающаяся в одинаковой ориентации разрезов (вдоль живота) и схожей длине (до 15 см); помимо этого разрезы брюшной стенки на трупах Сурниной и Грибановой не имеют кровоизлияний в толще кожно-мышечных слоев, а значит, являются посмертными; несмотря на разрезы брюшных стенок во всех случаях, преступник не повреждал органы брюшной полости; можно допустить, что во всех указанных случаях применялось тождественное по форме колюще-режущее орудие.

2) Имеют ли поверхностные надрезы на коже трупа Герды Грибановой что-то общее с надрезами, обнаруженными на телах Сурниной, Петрова и Ханьжиной, а также повреждениями, причиненными Рахматуллиной и Губиной? По мнению судмедэксперта, во всех поименованных эпизодах имелись множественные поверхностные ранения, часть из них, в тех случаях, если жертва умирала, наносилась посмертно.

3) Какова связь между кровоизлияниями около гортани и повреждениями сосудов шеи Сурниной? Ранение левой сонной артерии является абсолютно смертельным повреждением, но если остальные повреждения на теле Сурниной наносились тотчас же за наступлением смерти, то они по своему виду могут быть неотличимы от прижизненных. По мнению профессора Устинова, ранение гортани Сурниной являлось прижизненным и кровоизлияния в мягких тканях шеи есть лишь следствие прижизненности ее повреждения.

4) Прижизненно или посмертно вводился в заднепроходное отверстие Сурниной посторонний предмет, если только это в действительности имело место? Судмедэксперт, понимая, что затронут важнейший для следствия вопрос, ответил весьма обстоятельно. Согласно его точке зрения, в случае прижизненного введения инородного предмета остаточное зияние заднепроходного отверстия было бы не очень большим ввиду эластичности тканей. Кроме того, наблюдались бы повреждения травматического характера, хотя бы в виде трещин с кровоизлияниями или ссадин слизистой прямой кишки, чего осмотр в ходе вскрытия тела не выявил. Поэтому можно допустить, что посторонний предмет вводился в заднепроходное отверстие жертвы, причем происходило это после наступления смерти. Отмеченные детали, как особо оговорил профессор Устинов, полностью относятся и к случаю Грибановой.

5) Труп Сурниной был найден в положении «лежа на спине» с широко раздвинутыми бедрами, можно ли в таком положении осуществить анальный половой акт? Честно говоря, вопрос до некоторой степени даже наивен, и странно, что старший оперуполномоченный общесоюзного Отдела уголовного розыска задал его. Порфирий Васильевич обстоятельно ответил, что половой акт вполне осуществим, если учитывать возможность приподнять таз жертвы рукою.

6) Сколько времени могло понадобиться преступнику для причинения телесных повреждений, обнаруженных на трупе Сурниной? Профессор Устинов ответил так же, как отвечал на аналогичные вопросы ранее – от полуминуты до нескольких минут.

7) В каком положении тела могли быть причинены повреждения, обнаруженные на трупе Сурниной? Это тоже вопрос из числа тех, что имеют предсказуемый ответ. По мнению судмедэксперта, поскольку повреждения наносились на боковую и переднюю поверхности тела, девочка находилась лицом к убийце.

Наконец, завершающая часть вопросов Артура Брагилевского числом 9 относилась к убийству Риты Ханьжиной и деталям судебно-медицинского осмотра ее трупа, проведенного Грамолиным. Именно по поводу этой работы Грамолина следователь по важнейшим делам Краснов давал ранее предписание уточнить информацию по интересовавшим его вопросам.

Как Грамолин выполнил это поручение, мы уже рассказывали. Теперь подошла очередь Брагилевскому разбираться с мутным потоком мыслей городского судмедэксперта, но старший оперуполномоченный благоразумно решил адресовать свои вопросы профессору Устинову, очевидно, рассудив, что толку от этого будет больше.

Итак, вопросы Брагилевского:

1) Непонятно происхождение одинаковых по форме и размерам отверстий в различных частях тела Ханьжиной, в которых развивались личинки. Могли ли эти отверстия образоваться вследствие воздействия на кожу червей / личинок / мух? Профессор Устинов, очевидно, не отказал себе в удовольствии слегка пнуть коллегу по цеху, чья работа вызывала столько нареканий, а потому начал свой весьма пространный – почти на машинописную страницу – ответ такими словами: «Протокол вскрытия трупа Ханьжиной от 5/VII-39 г. составлен чрезвычайно кратко и поэтому не дает ясной картины...». Припечатал, так сказать, мягко, но весомо. По существу же затронутой темы Порфирий Васильевич высказался так: «...эти отверстия одинакового размера и характера, вследствие чего трудно допустить возможность причинения таковых как бы по «особому заказу» личинками насекомых ... в случае происхождения отверстий от личинок, [наблюдались бы] отверстия различного размера ввиду огромного количества самих личинок». Кроме того, судмедэксперт обратил внимание на то, что нельзя говорить о резком гнилостном разложении трупа жертвы, хотя в протоколе вскрытия и зафиксированы гнилостные изменения. Тело было заброшено камнями и ветками, что до некоторой степени предотвращало циркуляцию теплого июльского воздуха вокруг тела. Это, по мнению профессора Устинова, также опровергает утверждение Грамолина о заметном разрушении кожных покровов насекомыми и червями всего за 4 дня. Развивая свою мысль, Порфирий Васильевич привел такое наблюдение из личной практики: «...обыкновенно личинки насекомых (мух) на трупах начинают развиваться в области уголков рта, отверстий носа и около глаз... вследствие чего представляется труднообъяснимым заключение эксперта (Грамолина – А. Р.) о причинении данных отверстий на трупе Ханьжиной личинками мух избирательно на лбу только в одном месте и на туловище, больше слева, а на остальных частях тела, включая углы рта, отверстия носа... и глаза таких отверстий не оказалось». Вывод оказался вполне ожидаем и, кстати, абсолютно верен с точки зрения современных естественнонаучных представлений: «В силу сказанного выше можно предполагать, что указанные отверстия на трупе Ханьжиной... могли быть причинены одним и тем же орудием механического характера, а не биологического».

2) Вследствие чего образовалась полоса желтого цвета на животе трупа Ханьжиной длиной 20 см? Прижизненное это явление или посмертное? Профессор Устинов и тут не отказал себе в удовольствии боднуть коллегу: «Ввиду того, что в протоколе вскрытия трупа Ханьжиной нет точной характеристики желтой полосы на животе, а также и окружающих ее тканей, можно думать, что это полоса посмертного происхождения и относится к категории пергаментных посмертных пятен, тем более, если этот участок кожи был влажным или подвергался давлению, например, камнями, хворостом и т. п.».

3) Сколько ударов было нанесено Рите Ханьжиной в голову? Напомним, что в области левого теменного бугра, в правой теменной области и на затылке были описаны три кровоподтека размерами 2 * 2 см, 1 * 2 см и 0,5 * 1 см. Поэтому можно было предположить, что ударов было три, но на самом деле их, по мнению профессора Устинова, могло быть и меньше, даже один. Такое было возможно в том случае, если нападавший держал в руке камень с несколькими гранями.

4) Последовательность действий преступника в процессе убийства Ханьжиной, что было первичным – удары по голове или душение? По мнению эксперта, первыми были удары в голову, в результате чего жертва была приведена в бессознательное состояние, после этого последовало сдавление рукою гортани и смерть от асфиксии.

5) Слом правого верхнего резца имеет ли отношение к нападению или произошел ранее? Каково происхождение пятна на нижней губе, характер ссадин возле рта, их количество и размеры? Тут, как несложно догадаться, опять досталось сумбурной работе Грамолина. Вот цитата из текста Устинова: «Ввиду того, что в протоколе вскрытия трупа Ханьжиной перелом правого верхнего резца не описан подробно, в частности, нет характеристики поверхности излома, а также состояния окружающих мягких тканей, не представляется возможность сказать, имеет ли отношение перелом зуба к происшествию или резец был сломан ранее...». Тем не менее профессор Устинов склонился к той точке зрения, что повреждение зуба никак не связано с нападением на девочку. На это косвенно указывали кариозные повреждения соседнего зуба и отсутствие повреждений на внутренней поверхности верхней губы. Относительно происхождения желто-бурого пятна пергаментной плотности на нижней губе эксперт высказал предположение, что оно посмертное. На вопрос о ссадинах возле рта жертвы Порфирий Васильевич ответил так: «Что касается вопроса о характере ссадин у рта, их количества и размеров, то не представляется возможным на него ответить, т. к. в протокольной части вскрытия трупа Ханьжиной об этом нет никаких указаний». В очередной раз остается развести руками и признать, что городской судмедэксперт Грамолин являлся настолько грамотным специалистом, что из его текстов даже другие грамотные специалисты мало что могли понять.

6) Является ли зияние заднепроходного отверстия трупа Ханьжиной следствием действия гнилостных газов или иной причины, например, введения инородного предмета? Вопрос, безусловно, очень важный для следствия, а потому суждение профессора Устинова исключительно ценно, тем более что тело Сурниной подверглось заметным посмертным изменениям, в отличие от тех эпизодов, когда трупы убитых детей удавалось отыскать через сравнительно небольшой отрезок времени с момента похищения. Приведем ответ Порфирия Васильевича без купюр: «Так как труп Ханьжиной был в состоянии не резкого (относительно) гнилостного разложения, причем „кишечник был умеренно вздут“, можно предположительно сказать, хотя для этого и нет достаточного основания из-за плохого описания в протоколе состояния заднепроходного отверстия на трупе – нет указания, насколько оно зияло и каково было его расширение – о том, что в данном случае нельзя исключить введения инородного предмета в заднепроходное отверстие посмертно, как это имело место и в случаях с Грибановой, Сурниной и др.».

7) Если допустить возможность введения мужского полового члена в заднепроходное отверстие Ханьжиной и остальных убитых жертв, то являлось ли таковое действие прижизненным или посмертным? Отвечая на этот вопрос, судмедэксперт обратил внимание на значимые детали: трупы Грибановой, Ханьжиной, Камаевой, Сурниной и Савельева имеют общие особенности состояния прямой кишки и заднепроходного отверстия, а именно: ненормальное расширение, отсутствие даже самых поверхностных повреждений, значительный просвет, свободно пропускающий 1—2 пальца взрослого человека. При этом микроскопические исследования содержимого прямой кишки на наличие спермы во всех случаях проведения таковых исследований дали отрицательный результат. В своем ответе профессор Устинов упомянул об «экспериментах, произведенных с детским трупным материалом судебно-медицинской экспертизой», но не раскрыл характера этих экспериментов, возможно, сделав необходимые пояснения устно. Исходя из изложенного выше, Порфирий Васильевич аккуратно заметил, что все это «дает основание предположить, но отнюдь не утверждать, что введение постороннего предмета в заднепроходное отверстие указанных детей было посмертным». Важный нюанс этой формулировки состоит в том, что хотя поставленный вопрос напрямую связан с мужским половым органом, профессор Устинов высказался о «постороннем предмете» вообще и проигнорировал то обстоятельство, что вопрос сформулирован был довольно узко и специфично.

8) В каком положении могла находиться Ханьжина в момент нанесения ей телесных повреждений? По мнению эксперта определенно ответить на этот вопрос не представляется

возможным, т. к. удушение руками возможно при различных положениях жертвы относительно преступника.

9) Что есть общее при наружном осмотре заднепроходного отверстия и прямой кишки трупов Грибановой, Ханьжиной, Камаевой, Сурниной и Савельева? Отвечать на этот вопрос профессор Устинов не стал, отослав к ответу, данному через один вопрос выше. В принципе, совершенно логичное решение, поскольку тема эта уже была обсуждена всесторонне и новые рассуждения ничего существенного добавить не могли.

В самом конце своего весьма объемного экспертного заключения Порфирий Васильевич указал на одну любопытную деталь, которую Брагилевский явно упустил из вида, хотя она заслуживала внимания. Цитируем Устинова: «...необходимо отметить, что у всех вышеуказанных трупов является общей чертой и то обстоятельство, что в области кистей рук никаких следов насилия обнаружено не было». Другими словами, на кистях рук и предплечьях не оказалось тех повреждений, которые могли бы там быть в том случае, если бы детишки прикрывали голову руками. Отсутствовали и порезы или уколы – это означало, что дети не шевелили руками в то время, когда преступник наносил ножом или шилом чудовищные ранения торса и шеи. Не подвергались жертвы и связыванию, видимо, преступник в этом не испытывал необходимости ввиду очевидного физического превосходства. Хотя связывание помимо чисто функционального назначения могло являться средством запугивания жертвы и своего рода элементом «садистской игры», убийца к нему не прибегал. В данном случае мы видим, что профессор Устинов вышел за рамки экспертизы и обратил внимание на немаловажный поведенческий нюанс.

Отсутствие любого рода повреждений на кистях рук и предплечьях могло означать только одно – преступник в самом начале нападения лишал жертву возможности двигать руками, оглушая ее ударами по голове.

Анализируя экспертизу профессора Устинова, следует признать, что она имела безусловную практическую ценность. Из ее содержания видно, что судмедэксперт доказательно связал в единую цепь несхожие на первый взгляд нападения на Губину, Рахматуллину и Петрова. Их объединили, по его мнению, поверхностные раны на голове или шее. Это и в самом деле весьма специфичное травмирование, которое вряд ли может быть случайным, и наблюдательности профессора нельзя не отдать должное.

Нельзя и не отметить того, как опытный судмедэксперт всякий раз уклонялся от использования словосочетания «мужской половой орган», когда речь заходила о возможном совокуплении с жертвой (неважно, прижизненном или посмертном). Даже когда Брагилевский прямо поставил вопрос о возможности введения мужского полового органа в ректальное отверстие, профессор Устинов в своем ответе упомянул об «инородном предмете», но пенис обошел полным молчанием. Эта деталь может быть не совсем понятна нашим современникам, и странная уклончивость Порфирия Васильевича может показаться кому-то неоправданной, но на самом деле тут скрыта знаковая недоговоренность.

Дело заключается в том, что сексуальные убийцы очень часто придают телам своих жертв непристойные позы и вводят им в полости всевозможные предметы – от тех, что попались под руку, до заблаговременно принесенных с собою. Для них это одна из форм «игры с телом», о которой уже упоминалось выше. И глава областной судмедлаборатории, разумеется, был хорошо знаком с такого рода деталями. Поэтому следует отдать должное объективности и точности его умозаключений: убийца детей мог пользоваться для своих игр ищ неким посторонним предметом, поскольку объективных указаний на то, что он совершал полноценный половой акт, не существовало.

Следует отметить и то, что как со стороны задающего вопросы, так и со стороны отвечающего ничего не было сказано о возможном левшизме преступника и связанных с этим нарушениях нервной деятельности (заикании, несимметричности лица, неконтролируемом слюно-

отделении, нарушениях рефлексов и т. п.). Выше приведено немало соображений, дававших серьезные основания подозревать в убийце либо явного левшу, либо переученного, но с заметными проявлениями левшизма, либо, наконец, амбидекстра, то есть человека с одинаковым развитием правой и левой сторон тела. Увы, профессору Устинова для подобного предположения явно не хватило наблюдательности и опыта, хотя он довольно близко подошел к этой догадке, когда высказывался о возможном положении Раи Рахматуллиной во время причинения ей ранений. Тогда он написал, что положение тела жертвы могло быть самым разным, «за исключением такого, при котором исключалось бы травмирование правой стороны головы». То есть эксперт обратил внимание на локализацию ран на голове с правой стороны, но... последующего логического вывода не сделал.

Ну что ж, наверное, этот выход оказался бы слишком простым и тогда бы эта история закончилась по-другому.

Из текста, подготовленного профессором Устиновым, видно, что для него вопрос о существовании в Свердловске убийцы детей с некрофильскими наклонностями не является предметом дискуссии – такой убийца действительно проживает в городе и имеет свою уникальную, хорошо узнаваемую манеру действия. Понятно, что и старший оперуполномоченный союзного Отдела УР Брагилевский в этом сомнений не испытывал. Могла ли помочь последнему экспертиза Устинова, сказать сегодня невозможно – вопрос этот не просто дискуссионный, но и совершенно абстрактный.

Реальные обстоятельства сложились так, что Брагилевский направил свое постановление руководителю областной лаборатории СМЭ 26 сентября 1939 г., а ответ оказался подготовлен лишь 20 октября. За те три с лишком недели, что потребовались профессору Устинову на подготовку экспертного заключения, произошло много важных событий, которые не то чтобы обесценили эту экспертизу, но – выразимся деликатнее – заставили уголовный розыск действовать без оглядки на нее.

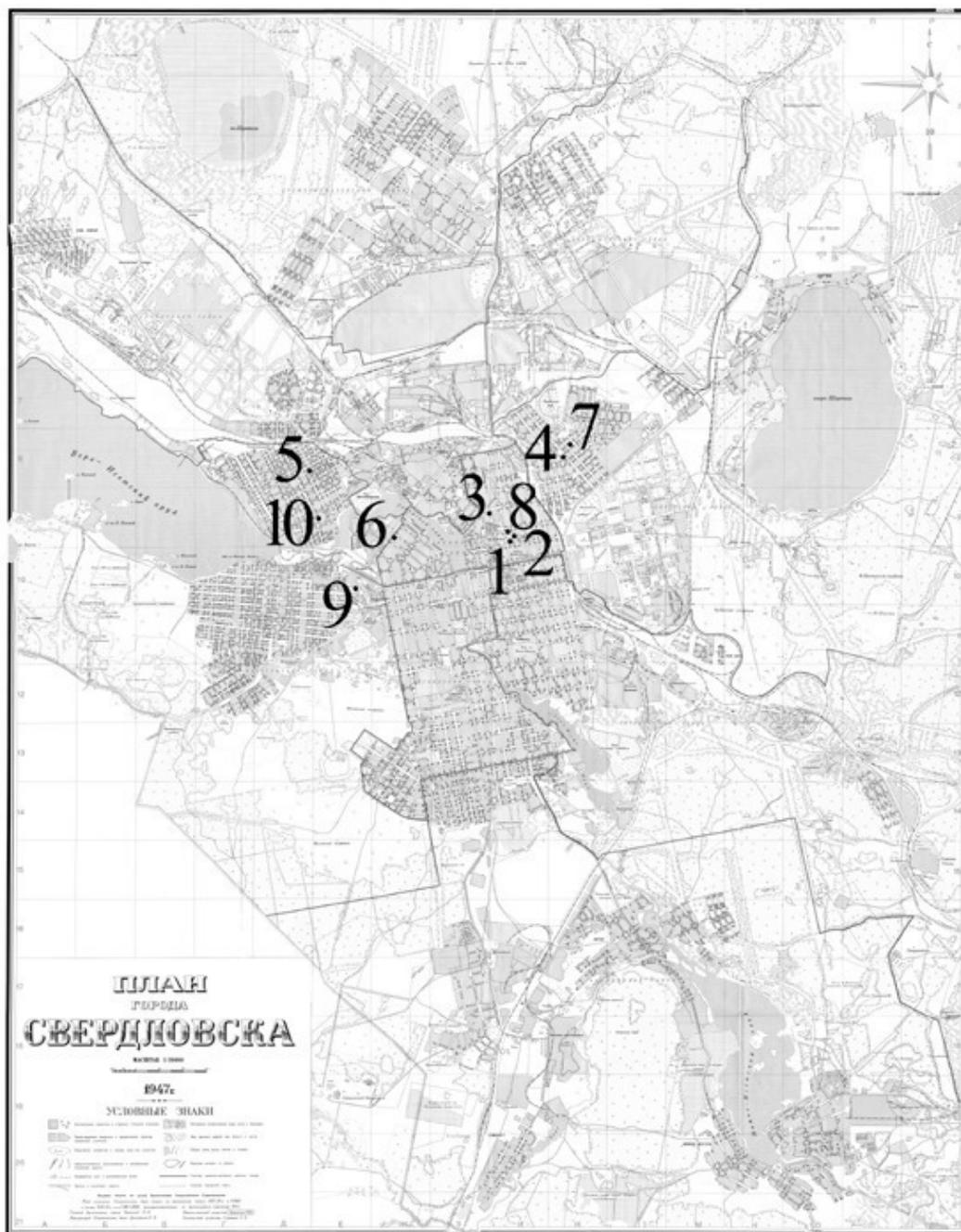
Потому что уже 2 октября исчез еще один малолетний ребенок.

Глава III. Эта музыка будет вечной...

Тася Морозова, родившаяся 10 августа 1935 г., к своим полным четырем годам оформилась в девочку умную, развитую и сообразительную. Мама ее – Евдокия Ивановна Морозова – работала в санатории райздравотдела на улице Нагорной в Свердловске, (***) где видела много разных начальников и членов их семей, а потому была в курсе городских новостей. Евдокия знала о многочисленных случаях исчезновения детей в последние месяцы и как всякая ответственная мать не могла не беспокоиться о безопасности собственной дочери. Несколько раз она заговаривала с Тасей о возможных опасностях, подстерегающих маленьких детей на улице, объясняла, почему нельзя брать из рук незнакомцев конфеты или мороженое, почему нельзя заговаривать с чужими людьми и уходить с ними от дома. Девочка вроде бы все понимала, кивала, давала правильные ответы на вопросы, которые мама задавала ей с целью проверки. Тася знала, что нельзя уходить от дома, что следует быть осторожной и недоверчивой, но...

Около 17 часов 2 октября 1939 г. она исчезла прямо с порога собственного дома №22 по улице Плеханова. Мать хватилась ее примерно в 18 часов, осмотрев окрестные дворы и зайдя ко всем знакомым дочери, она направилась в 9-е отделение милиции с намерением подать заявление об исчезновении девочки. Там она оказалась в начале девятого часа вечера. В отделении не только приняли заявление от встревоженной женщины, но тут же позвонили в ОУР и сообщили о происшествии, а уже через полчаса из областного управления прибыла дежурная автомашина, которая доставила Евдокию Морозову на допрос к Брагилевскому. Нельзя не оценить, сколь расторопно стала работать свердловская Рабоче-Крестьянская милиция – ещё тремя месяцами ранее гражданку погнали бы из отделения вон, дабы она не портила своими заявлениями отчетности и не отвлекала занятых сотрудников от их важной работы, а теперь: «Минуточку, присядьте, сейчас прибудет машина, вас отвезут к руководству, повторите там свой рассказ». Эвона как бывает в стране советской, когда «следаки-важняки» из Москвы приезжают! Дежурные милиционеры в своём искреннем желании помочь аж со стула подсказывают...

Старший оперуполномоченный союзного угро действительно допросил Евдокию Морозову в тот же вечер, то есть тогда, когда со времени исчезновения ребенка минуло всего лишь несколько часов. Подобная быстрота принятия решений позволяла без промедлений развернуть интенсивные розыски и давала некоторый шанс если не найти самого ребенка, то хотя бы обнаружить по горячим следам свидетелей происшествия. Евдокия сообщила Брагилевскому, что ее соседка Александра Шамова видела Тасю уже после 17 часов возле дома №20 по улице Плеханова. Это означало, что девочка отошла от дома и отправилась гулять по окрестностям, что ей категорически запрещалось. Шамова утверждала, что Тася была одна – рядом с ней свидетельница не заметила ни детей, ни взрослых. В конце допроса Евдокия Ивановна сделала очень примечательное заявление, процитируем эту часть протокола дословно: «Я не думаю, чтобы моя дочь могла пойти с кем-нибудь из незнакомых людей, т. к. посторонних людей она боялась. Я слышала, что в городе пропадают дети, и в связи с этим говорила дочери, чтобы она ни в коем случае не ходила с чужими людьми и не принимала от них никаких гостинцев».

Карта Свердловска с указанием мест исчезновения детей в 1938—1939 г. Черными точками обозначены места: «1» – похищения 12 июля 1938 г. Герды Грибановой, «2» – попытки похищения 10 февраля 1939 г. Бори Титова, «3» – покушения на убийство 1 мая 1939 г. Раи Рахматуллиной, «4» – похищения 12 июня 1939 г. Али Губиной, «5» – похищения 30 июня 1939 г. Риты Ханьжиной, «6» – похищения 22 июля 1939 г. Вали Камаевой, «7» – похищения 27 июля Лиды Сурниной, «8» – похищение 20 августа 1939 г. Ники Савельева, «9» – исчезновение 12 сентября 1939 г. Вовы Петрова и «10» – исчезновение 2 октября 1939 г. Таси Морозовой от дома №22 по ул. Плеханова в поселке Верх-Исетского завода (ВиЗ). Бросается в глаза, что активность похитителя в начале октября 1939 г. была локализована на трёх сравнительно небольших участках – в Сталинском районе (4 эпизода), посёлке ВиЗа (4 эпизода) и в Пионерском посёлке (2 эпизода). Из этого можно было сделать вывод, что преступник в своих действиях руководствуется некоторым лимитом времени, которым может свободно располагать и за границы которого не может выходить. Зная, что похититель молод и вряд ли живёт самостоятельно, органам следствия можно было предположить, что ищут

они не уличного подростка, а школьника, либо учащегося, находящегося под плотным родительским надзором. Время последних похищений, имевших место после окончания школьных каникул (Вова Петров – после 12 часов и Тася Морозова – около 17), прекрасно соответствует такому предположению. Принимая во внимание, что преступник будет стремиться постепенно расширять район своей активности, к чему его будет подталкивать осторожность и рост уверенности в своих силах по мере набора опыта, органы следствия могли обоснованно предполагать, что новые похищения произойдут в северных или южных районах Свердловска. Именно там – в поселках Уралмаш, Сталькан, Хладокомбинат – правоохрaнительным органам можно и нужно было ждать новых похищений. Подобный перспективный анализ позволял правоохрaнительным органам сработать на упреждение и принять меры к задержанию злоумышленника с полчиным.

Слышать такое Брагилевскому, конечно же, было неприятно, но по совести говоря, мать пропавшей девочки была права: дети исчезают и потом их находят убитыми, и кому, как не старшему оперуполномоченному знать об этом лучше других! И какая в таких разговорах может быть антисоветская пропаганда, если это чистая правда?! Тут в пору задуматься над тем, нет ли антисоветчины в бездействии органов защиты правопорядка...

Несмотря на поздний час – дело шло к полуночи – в районе пересечения улицы Плеханова с улицами Кочегара Махнева, Плавильщика Колмогорова, Листокатальщиков, Интернационала, Финских Коммунаров, Спартака, Свободы, Старшины Калинина (какие дикие для русского слуха названия!) началась полноценная поисковая операция. До 40 милицейских патрулей с привлечением кинологов с собаками-ищейками проводили осмотр жилых зданий, надворных построек (там, где они были), дворов и придомовых территорий. Отдельная группа милиционеров осматривала территорию лесозавода к востоку от застроенных кварталов и неблагоустроенные в то время окрестности Городского пруда.

Осмотр весьма значительной по площади территории затянулся до утра – тщательному осмотру подверглись участки суммарной площадью около одного квадратного километра. Ночная поисковая операция получилась весьма шумной и произвела настоящий фурор. В самом деле, на придомовую территорию входят милиционеры, будят жильцов, задают вопросы о присутствии посторонних детей, осматривают с собаками подвалы и чердаки, дровяные сараи, сортиры, мусорные кучи, при этом по улице вдоль домов стоят другие милиционеры и не позволяют никому ни войти в дом, ни выйти из него! Понятно, что сотни свердловчан стали свидетелями этой крайне необычной милицейской активности, и потому поток сплетен и разного рода домыслов на эту тему был обеспечен на многие месяцы вперед. Тем не менее итог ночи со 2 на 3 октября оказался обескураживающим – ребенок домой не вернулся, тело не найдено и местонахождение пропавшего неизвестно.

Никто не может сказать, что думал Артур Брагилевский в те часы, но, очевидно, мысли его одолевали мрачные. Вряд ли опытный сыскарь сомневался в том, что Тасю Морозову живой уже никто не увидит. Убийца, набравшийся к октябрю 1939 г. опыта и практических навыков, менял районы своих нападений, что представлялось логичным, но из города не уходил. Достаточно посмотреть на карту Свердловска, чтобы понять логику перемещений преступника: 30 июня от дома по улице Ивана Каляева в поселке Красная Звезда, что в двух километрах севернее дома Морозовых, он похищает Риту Ханьжину, а 12 сентября от площади Коммунаров, что примерно в 1,8 километра южнее дома Морозовых, похищает Вову Петрова. А теперь объект его посягательства оказывается проживающим практически посередине между этими точками! Похититель явно избегал совершать преступления два раза подряд в одном районе...

На следующий день, 3 октября, на допрос к Брагилевскому была доставлена Александра Евграфовна Шамова, соседка семьи Морозовых, та самая, что встретила Тасю накануне после 17 часов. По ее словам, она увидела Тасю Морозову примерно в 17:30 у дома №20 по улице

Плеханова, то есть фактически по соседству с домом, в котором девочка проживала. Ошибки быть не могло – Тася подошла к Шамовой и обратилась к ней по имени, что делала всегда при встрече вместо приветствия. Рядом с девочкой никого не было – ни взрослых, ни детей, в общем, думай что хочешь.

Тотальный опрос населения, проживавшего в прилегающих к улице Плеханова кварталах, результата не принес – никто не видел, куда и с кем ушла девочка. Планомерные поиски в весьма протяженном жилом массиве, продолжавшиеся 3 дня, оказались бесплодны. Было проверено алиби всех лиц, попадавших ранее в поле зрения правоохранительных органов и вызывавших хоть какие-то подозрения. По результатам этой работы стало ясно, что никто из них не мог находиться во второй половине дня 2 октября в районе улицы Плеханова.

Полный тупик по всем направлениям.

К 5 октября никакого серьезного плана относительно того, что делать далее и как вести расследование, не появилось. В этой обстановке начальник Управления РКМ Александр Михайлович Урусов решился на меру чрезвычайную, непопулярную и в каком-то смысле даже опасную. Он решил вывести на улицы все возможные силы милиции, чтобы охватить плотной сетью наружного наблюдения весь город и задержать преступника либо во время похищения жертвы, либо непосредственно в момент покушения на жизнь. Надлежало взять под плотный, но скрытный контроль все перемещения людей с малолетними детьми, при малейших подозрениях на то, что ребенка ведет посторонний ему человек, надлежало немедленно проводить задержание с последующим выяснением обстоятельств в отделении милиции. Вопрос о том, чтобы накрыть Свердловск «сеткой» наружного наблюдения, плотной настолько, чтобы ни одна попытка похитить с улицы ребенка не осталась незамеченной, уже дискутировался около недели на уровне партийного и милицейского руководства области.

Хотя концепция казалась на первый взгляд здоровой, её практическая реализация могла оказаться серьезно затруднена. Прежде всего, она потребовала бы колоссального напряжения сил личного состава Управления РКМ, ведь никто из сотрудников не мог произвольно прекратить исполнение прямых служебных обязанностей и отправиться в патруль. Высвобождение личного состава для многочасового патрулирования улиц означало серьезное перераспределение функций внутри подразделений и перегрузку остающихся на рабочих местах сотрудников. Патрулирование должно быть пешим и осуществляться много часов с максимальной бдительностью и ответственностью за результат, а это немалая физическая и психоэмоциональная нагрузка. Никаких гарантий того, что задуманное мероприятие принесет успех, не существовало. Ошибка одного или нескольких сотрудников, утрата внимания, халатное отношение к порученным обязанностям, наконец, банальная усталость, – все это грозило свести на нет огромную работу по организации масштабной и скрытной операции. Если бы такая операция получила санкцию областного руководства, а преступник все равно совершил бы очередное похищение и убийство, то это привело бы к серьезным и притом обоснованным сомнениям в компетентности начальства областного УНКВД. После такого «прокола» Урусов и Вершинин, наверное, очень быстро расстались бы со своими местами. Подобная операция являлась крайней мерой, и на самом деле никто не спешил столь масштабную задумку реализовывать.

Но жизнь заставила этим заняться.

После обсуждения всевозможных деталей руководство РКМ склонилось к следующей схеме практической реализации плана. На улицы города ежедневно выходят 1 100 человек в составе «скрытых» патрулей, то есть несущих дежурство в штатском и не раскрывающих свою принадлежность к правоохранительным органам. Патрулирование одиночное по замкнутому маршруту, который рассчитывается таким образом, чтобы каждый сотрудник в штатском постоянно оставался в зоне прямой видимости не менее чем одного сотрудника, движущегося по соседнему маршруту. Схемы движений подбирались таким образом, чтобы «скрытые» патрули расходились в противоположных направлениях и не двигались в одну сторону – это

увеличивало охват территории. Помимо сотрудников в штатском к патрулированию привлекались милиционеры в форме из штатного состава всех 9 территориальных отделений РКМ, существовавших в то время в Свердловске. Таковых должно было быть на улицах не менее 350—400 человек каждый день. Задача милиционеров в форме была двойкой: с одной стороны, они демонстрировали присутствие на улицах защитников правопорядка, с другой – контролировали надлежащее исполнение своих обязанностей сотрудниками в штатском, а с третьей – осуществляли проверку документов всех подозрительных лиц и их сопровождение в территориальное отделение милиции. «Скрытые» патрули не должны были раскрывать себя, им было запрещено останавливать и проверять документы подозрительных лиц, вмешиваться в «уличные» разборки и т. п. Заметив нечто подозрительное, сотрудник в штатском должен был условным сигналом сообщить об этом милиционеру в форме, а тот далее принимал необходимые меры, разумеется, при подстраховке своих незаметных товарищей. Сотрудник, находившийся в «скрытном» патруле, мог «расшифровать» себя перед окружающими только в одной ситуации – если возникала угроза человеческой жизни. Нетрудно понять, чем было вызвано столь жесткое требование по сохранению полной секретности – преступник мог стать случайным свидетелем сцены «расконспирации» и на долгие месяцы прекратить всякую активность на улицах города. Подобный исход операции был равнозначен ее провалу. Все-таки главная задача разработанного Урусовым плана заключалась не в том, чтобы напугать убийцу, а в том, чтобы поймать его с поличным.

Все сотрудники, заступавшие в «скрытые» патрули, получали оружие, но с одним-единственным условием его применения – в обстановке, создающей реальную угрозу жизни гражданского населения либо самому сотруднику.

Отдельно обсуждался вопрос о привлечении в помощь Рабоче-Крестьянской милиции так называемых «бригадмилов». Это необычное для слуха сокращение родилось от словосочетания «бригада содействия милиции», так назывались группы передовых рабочих и студентов, занятых в часы досуга оказанием помощи милиции в ее непрестом ремесле по поддержке правопорядка. «Бригадмильское» движение появилось благодаря постановлению Совета Народных Комиссаров РСФСР от 29 апреля 1932 г., но родилось оно отнюдь не на пустом месте. Предтечами «бригадмильцев» являлись «осодмильцы» (это диковинное слово происходит от названия «Общество содействия милиции»). «Осодмильцы», кстати – это чисто уральское изобретение, появившееся в виде комсомольской инициативы в Нижнем Тагиле еще в 1930 г. Когда вопрос организации скрытого патрулирования перешел в практическую плоскость, возможность включения в состав патрулей «бригадмильских» добровольцев по результатам обсуждения была отклонена. Хотя многочисленные помощники на общественных началах могли без особых проблем обеспечить необходимую массовость, их привлечение грозило моментальной оглаской цели и методов проводимого мероприятия. Это был бы гарантированный провал задуманной операции, от нее разумнее было вообще отказаться, нежели проводить ее с участием «бригадмильцев».

Уже 7 октября в первое патрулирование заступила половина расчетной численности милиционеров, в последующие дни процент рос, достигнув запланированной численности в полторы тысячи одиночных патрулей (в форме и штатском) 10 октября. Смены продолжались с 9 часов утра до 9 вечера – как свидетельствовала статистика, преступник не похищал детей ранее и позднее указанного интервала времени.

Одновременно с начавшейся операцией продолжались поиски тела Таси Морозовой в районах, все более удаленных от места ее проживания. Помимо обжитых территорий, осматривались пустыри, бросовые земли, парковые и лесные зоны. Поскольку сил одной только милиции на подобные мероприятия не хватало, широко привлекались работники жилищно-коммунального хозяйства, студенты и служащие. Поисковая операция была замаскирована под разного рода общественные мероприятия по уборке территорий, приуроченные к грядущим

щему государственному празднику 7 ноября – годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Такого рода кампанейщина под лозунгами вроде «22-й годовщине Октября – 22 ударных стахановских недели» была вполне в духе эпохи и не вызывала подозрений жителей. Заводских рабочих к поисковым работам не привлекали, поскольку они традиционно проводили «субботники» и «красные пятницы» на своих производствах и их участие в общегородских мероприятиях могло дать пищу нежелательным кривотолкам.

К середине месяца всем, причастным к расследованию, стало ясно, что убийца, по-видимому, вывез Тасю Морозову из города. Конечно, нельзя было утверждать, что город обыскан на все 100% – подобный осмотр был невозможен просто ввиду громадности его территории – но предположение о вывозе тела девочки за пределы Свердловска казалось все более правдоподобным. Технически проделать подобное преступнику было вполне по силам. Дело заключалось в том, что район ВИЗа (Верх-Исетского завода), на территории которого находилась улица Плеханова, с севера огибала ветка железной дороги, которая тянулась от вокзала в западном направлении, на Пермь. Последние дома по улице Плеханова, имевшие номера 101 и 104, строго говоря, стояли на самом краю ее полосы отчуждения. Если преступник, похитивший девочку, увел ее к железной дороге, убил и изнасиловал в пустынной полосе отчуждения и забросил тело ребенка на платформу проезжавшего мимо товарного состава, то... труп мог быть обнаружен за десятки и даже сотни километров от города.

Рассматривая такую версию как весьма вероятную, 14 октября 1939 г. начальник свердловского ОУР Евгений Вершинин подготовил циркулярное письмо за №20—3447, которое гласило:

«Совершенно секретно. Воздух! Срочно.

Всем начальникам Горрайотделений Рабоче-Крестьянской милиции Свердловской области.

2 октября 1939 г. пропала без вести проживавшая совместно с родителями в г. Свердловске по адресу: улица Плеханова, д. №22, кв. 3 – Таисия Морозова, 4-х лет, приметы которой: рост нормальный, лицо полное, смуглое, фигура полная.

В день исчезновения ребенок был одет в серое на вате пальто до колен, на голове зеленая шаль с белыми цветочками, на ногах новые коричневые чулки и хромовые желтые ботинки, на руках коричневые рукавицы, под пальто бумазеевое платье голубого цвета, зеленые штанишки и голубой купальный костюм.

Сообщая об изложенном выше, предлагаю принять меры к розыску пропавшего ребенка, произвести проверку в больницах, в пунктах скорой помощи, в моргах.

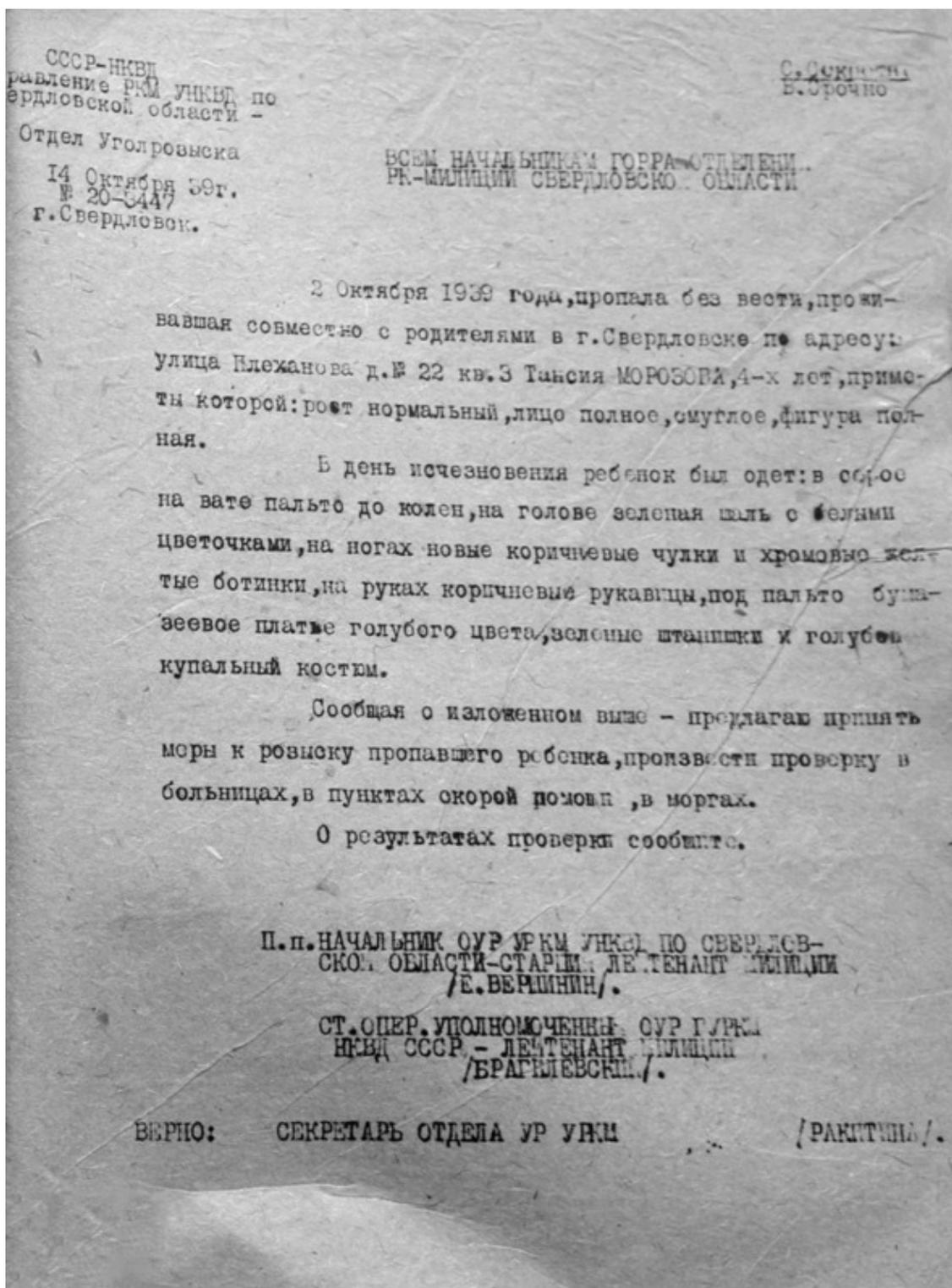
О результатах проверки сообщите.

Начальник ОУР УРКМ УНКВД по Свердловской области – старший лейтенант милиции Вершинин.

Ст. опер. уполномоченный ОУР ГУРКМ НКВД СССР – лейтенант милиции Брагилевский.

Верно: секретарь Отдела УР УРКМ Ракина».

Секретарю отдела пришлось лично отстучать на печатной машинке 54 письма, из которых 45 спецкурьеры доставили в районные отделения Свердловской области, а 9 – в городские отделения РКМ крупнейших городов (Ревды, Нижнего Тагила и пр.). А уже на следующий день аналогичные письма ушли по адресам начальников отделов уголовного розыска управлений РКМ соседних со Свердловском областей – в Пермь, Новосибирск, Омск, Киров, Куйбышев (ныне Самара) и Казань. Логика в их рассылке была простой: если тело убитой девочки на железнодорожной платформе покинуло пределы области, то его могли найти в соседних регионах. Быть может, оно неопознанным лежит уже несколько дней в каком-нибудь морге, а местная милиция не догадывается, что прибыло оно из Свердловска!

Одна из копий циркулярного письма свердловского Отдела уголовного розыска от 14 октября 1939 г с описанием примет пропавшей без вести Таси Морозовой.

Тут самое время взять небольшую паузу и вспомнить о событиях в Нижнем Тагиле, где 6 августа 1939 г. таинственным образом исчезла Рита Фомина, девочка в возрасте 2 лет 5 месяцев. Тамошние пинкертонеры предприняли попытку расследовать подозрительный инцидент, да... так ничего и не добились. На протяжении сентября велись весьма неторопливые поиски Марии Малых, гипотетической свидетельницы, которая якобы могла что-то по факту случившегося знать. Эпитет «гипотетический» в данном случае является не фигурой речи,

а подразумевает буквальное понимание. Мария Малых оказалась воистину мистическим персонажем – она нигде не работала, нигде не жила, родственников не имела и появлялась лишь время от времени в очередях за разного рода дефицитными товарами. Просто Летучий Голландец какой-то с нижнетагильской спецификой. В сентябре уголовное дело обогатилось стопкой справок из жилищных комитетов различных коммунальных организаций, извещавших, что Мария Малых не проживает по такому-то адресу, и сбором этих бумажек, судя по всему, розыск Риты Фоминой и ограничивался.

Выждав некоторое время и убедившись, что новостей более не будет, оперуполномоченный 1-го отделения РКМ Нижнего Тагила товарищ Костырев решил предпринять вторую попытку закончить подзатянувшееся и совершенно бесперспективное расследование. 4 октября на половинке стандартного листа формата А4 – бумагу в стране Советов принято было экономить, поэтому писали порой на самых немислимых огрызках! – он накропал по-настоящему эпическое «Постановление о прекращении дела». Дабы читатель мог насладиться эпистолярными потугами доблестного стража соцзаконности, процитируем самую существенную часть этого беспомощного как по форме, так и по содержанию документа: «...принимая во внимание, что принятыми мерами розыска девочки Фоминой Маргариты 2-х лет 5 м-ев, а также кто мог похитить последнюю, установить не удалось, а поэтому на основании вышеизложенного, руководствуясь ст. 204 УПК, постановил производство дознания по настоящему делу прекратить, а материал направить в горотдел РКИ для штампа».

То, что оперуполномоченный потерял в своей бумаженции части предложения, простить ему можно. То, что он перепутал расследование уголовного дела с дознанием, тоже (напомним, что по факту исчезновения Фоминой 13 августа было возбуждено уголовное расследование). В конце концов, институт доследственного дознания вплоть до Великой Отечественной войны многими советскими правоведами рассматривался как избыточный, не нужный в практической работе органов защиты правопорядка, и поэтому неудивительно, что низовые работники на местах употребляли профессиональные термины, значение которых не до конца понимали. Плохо другое. Если оперработник с умным видом ссылается на статьи Уголовно-процессуального кодекса, содержания которых не знает, то это опасный сигнал, указывающий на его профнепригодность. Дилеммы тут никакой нет: либо пусть не ссылается, либо пусть уходит с работы.

О чем речь? Товарищ оперуполномоченный сослался на статью 204 Уголовно-процессуального кодекса, которая касается возобновления по решению суда расследования, остановленного ранее, что никак не относится к настоящему случаю. По смыслу Костырев должен был сослаться на статью 202 УПК, она как раз касается вопроса прекращения предварительного следствия при обнаружении виновного, либо на статью 4, которая также рассматривает условия прекращения уголовного преследования на всякой стадии, но... гражданин оперуполномоченный запутался в трех соснах. Причем буквально! Из трёх статей УПК – 4, 204 и 202 – он выбрал единственную, никак не относящуюся к содержанию написанного им документа!

Можно сказать, что человек описался. Наверное так описаться действительно можно, от перегрузки, от недосыпа, с ежедневного перепоею, наконец. Интересно, допускал ли товарищ оперуполномоченный описки при отправке почтовых отправлений родственникам? Или же, зная, что ошибка в написании адреса грозит утерей посылки, товарищ оперуполномоченный таких ошибок не допускал?

Забавно, кстати, и другое. Один дурак написал глупость, а другой – его начальник – с этой глупостью согласился. На рапорте красуется резолюция начальника 1-го отделения милиции: «Согласен». Ясно, что Уголовно-процессуальный кодекс не знал ни тот, ни другой. Мало того, что они его не знали, так они даже в руки его не брали, чтобы уточнить маленькие казуистические детали. А зачем? Он не для них написан, они же научились работать без него, кодекс –

сам по себе, а они – сами. За этим маленьким случаем можно видеть системную проблему советской милиции. Так она и работала в реальной жизни, увы...

Итак, расследование исчезновения Риты Фоминой нижнетагильские шерлоки холмсы благополучно закрыли. Но как показали последующие события, они находились в самом низу административной цепочки, а потому приняли решение принципиально неверное в обстановке тех дней. Ну в самом деле, вся милиция столицы Урала буквально стоит на ушах, пытаясь изловить таинственного убийцу детей, а товарищи из города по соседству легкомысленно закрывают расследование по аналогичному случаю. Нет ли в этом скрытой антисоветской провокации?

Поэтому уже 8 октября 1939 г. – через 4 дня с момента закрытия следствия – начальник Отделения уголовного розыска при горотделе РКМ лейтенант милиции Кузнецов собственноручно написал постановление, в котором кратко обрисовал инцидент с Ритой Фоминой и далее подвел такой итог: «...по этому делу производилось расследование 1 отд. РКМ, которое прекращено 4/X-39 г. за необнаружением девочки. Принимая во внимание, [что] следствием недостаточно добыто данных о фактах исчезновения Маргариты, а также не установлен преступник... постановил приступить по сему материалу к производству расследования». Таким образом, вся эта нерадостная история оказалась запущена на второй круг.

В тот же день лейтенант милиции Кузнецов допросил мать пропавшей девочки Софью Фомину. Потерпевшая сообщила довольно любопытную деталь, ранее неизвестную, вернее, не попадавшую в милицейские документы. Она утверждала, что некий незнакомый мужчина лет сорока проявлял интерес к ее дочери, разговаривал с Ритой, просил почитать стишки. Вот фрагмент протокола, посвященный рассказу о таинственном любителе детских стишков (стилистика оригинала сохранена): «До того, как потерялась Рита, один пожилой мужчина в очках ходил из завода к ресторану, который часто интересовался много моим движением и главным образом моей дочери, ласкал ее за частушки, и как только Рита исчезла, то и его я не стала видеть на территории завода. Он обычно этот мужчина шел мимо нашей комнаты часов в 5 вечера, а после этого я старалась его увидеть, но его уже не видела. Приметы его: высокого роста, худощавый, в роговых очках, возраст лет 40, брюки серые в клетку, в серой рубашке, желтый кожаный пиджак, волосы черные, глаза черные, обут в черных туфлях».

Если сделать поправку на сумбурную речь матери и ее сумбурное изложение в протоколе, то картина получалась и в самом деле подозрительной: пока ребенок спокойно проживал в доме с матерью, таинственный мужчина регулярно появлялся и общался с девочкой, а как только Рита исчезла, то и мужчина пропал. Изменил маршрут своего движения от завода к ресторану. Тут рождались сразу два вопроса: во-первых, откуда мужчина узнал об исчезновении ребенка? А во-вторых, почему незнакомец столь странно себя повел и постарался дистанцироваться?

Во время того же самого допроса 8 октября Софья Фомина сообщила, что вечером 6 августа, то есть спустя считанные часы после исчезновения дочери, ходила в дом семьи Слобцовых, где потребовала разрешить ей осмотреть комнаты, дабы убедиться в отсутствии Риты. Ей позволили это сделать. Но во время общения с родней Германа, отца Риты, она обратила внимание на отсутствие его младшего брата Виктора, 16 лет. Когда она поинтересовалась, где же Виктор, ей никто ничего ответить не смог. По мнению матери девочки, последний непосредственно участвовал в похищении ребенка, и в то самое время, когда Софья Фомина находилась у него дома, он мог вывозить Риту из города либо прятать малышку в неизвестном месте. Начальник уголовного розыска попытался установить алиби Виктора Слобцова, но это оказалось невозможно сделать. Виктор нигде не учился и не работал, был замечен в хулиганских выходках, пьянстве, и при том образе жизни, который вел юноша, точно сказать, чем он занимался два месяца назад, никто уже не мог. Единственная более или менее ценная информация, связанная с ним, заключалась в том, что Виктор Слобцов не имел классического костюма, а предпочи-

тал одеваться в спортивном стиле: летом он носил рубашки-тенниски, легкие светлые брюки, а в холодное время года облачался в лыжные костюмы и короткие куртки.

Прошла целая неделя, пока начальник угро добрался до Марии Карповой, той самой женщины, что еще два месяца назад рассказывала про Марию Малых. Карпова к тому моменту, по-видимому, уже здорово была напугана милицейской активностью и тем обстоятельством, что из-за своего рассказа она сделалась важнейшим свидетелем в весьма серьезном расследовании. Теперь женщина в своих словах оказалась чрезвычайно аккуратна и ничего нового к прежним показаниям не добавила, правда, оговорилась, что «Малых», быть может, вовсе не фамилия, а кличка. Видимо, она была осведомлена о том, что женщину с такой фамилией отыскать не удалось, и попыталась как-то эту деталь объяснить.

Кузнецов вызвал на допрос и Анисию Семеновну Приходько, утверждавшую, будто она видела подозрительного мужчину с малолетней девочкой на руках. До этого свидетельницу не допрашивали (непонятно почему), хотя она не скрывалась и сама поделилась с матерью похищенной девочки своими наблюдениями. Анисия Семеновна оказалась внушающей полное доверие женщиной 39 лет, бухгалтером в Доме матери и ребенка, в который милиция и больницы направляли беспризорных детей и подкидышей. Софья Фомина приходила в это учреждение в середине августа во время самостоятельных розысков дочери, тогда же она и познакомилась с Приходько. Анисия Семеновна была допрошена лейтенантом Кузнецовым 15 октября. Согласно ее утверждениям 7 или 8 августа около 16—17 часов она видела в магазине «Бакалея», расположенном на пересечении улиц Ленина и Красноармейской, неизвестного ей мужчину с девочкой примерно 3-х лет на руках. Пара показалась Приходько подозрительной из-за того, что (далее воспроизведем слова свидетельницы) «ребенок был одет чисто по-рабочему низкооплачиваемо, по-бедному одет, без головного убора, цвет волос – русый, а мужчина по одежде судить приличный, одет в дорогой костюм...». Несмотря на косноязычную передачу слов Приходько допрашивавшим ее Кузнецовым, смысл сказанного свидетельницей понять можно. Чем же занималась странная парочка в магазине «Бакалея»? Еще раз процитируем протокол допроса: «Мужчина спрашивал девочку, что ей купить, указывал на дорогие сорта конфет, она ему показывала на дорогие конфеты, и он ей покупал». Куда же ушел таинственный обладатель дорогого костюма с девочкой на руках? А никто этого сказать не мог – Анисия Семеновна сама вышла из магазина и забыла про эту историю до того момента, пока не услышала рассказ Фоминой об исчезновении девочки.

Начальник уголовного розыска решил поговорить с отцом девочки – Германом Ивановичем Слобцовым – и озаботиться проверкой его алиби. У Слобцова имелся весьма понятный мотив устранить из своей жизни собственную дочь, дабы не платить ее матери весьма немалые алименты, а кроме того, он предлагал Софье Фоминой передать девочку на воспитание его родственникам. В общем-то, все указывало на Слобцова, вплоть до того, что, получая зарплату более тысячи рублей в месяц, тот вполне мог позволить себе дорогие вещи, и хороший костюм был ему по карману.

Лейтенант Кузнецов поручил участковому доставить ему на допрос Германа Слобцова и... тут начальника нижнетагильского уголовного розыска ожидало в высшей степени приятное открытие! Выяснилось, что проживавший в доме №14 по улице Тельмана гражданин Слобцов выехал с вещами в неизвестном направлении несколькими днями ранее. Буквально 10 октября собрал вещички, раскланялся с соседями и – исчез! Как будто почуял, что уголовный розыск им займется.

Но не надо забывать, что это был 1939 год, уже шла Вторая Мировая война, уже повсюду в Советском Союзе действовала лучшая в мире система паспортного и воинского учетов, режим прописки, весьма формализованные и единообразные правила трудовых отношений, а потому так просто собраться и уехать неведомо куда советскому человеку было весьма и весьма проблематично. Как минимум, Слобцову надо было уволиться с завода, получить тру-

довую книжку в отделе кадров, сняться с учета в райвоенкомате – неужели он убежал из города, ничего из этого не сделал?!

Лейтенант Кузнецов направил подчиненных по месту работы и в военкомат. Те принесли обескураживающие ответы. Выяснилось, что Слобцов уволен 7 октября по статье 47/1 Кодекса законов о труде РСФСР по инициативе работодателя ввиду реорганизации предприятия и уменьшения объема работ. Другими словами, не по собственной инициативе и не ввиду ненадлежащего исполнения служебных обязанностей, а в силу обстоятельств, от него не зависящих. Нареканий к нему по месту работы не имелось. Кстати, местом работы Германа Ивановича являлся завод №56 Народного Комиссариата боеприпасов, то есть человек вроде бы крепил обороноспособность Родины и от честного пролетарского труда не прятался, чай, не на продуктовой базе отирался, а на серьезном военном производстве пот свой рабочий проливал. С воинского учета снялся с полным соблюдением закона, представил справку об увольнении, в его формуляре и приписном свидетельстве сделаны соответствующие записи. В общем, ничего не нарушил, ему даже в вину поставить нечего...

По наведенным у родственников Германа Слобцова справкам получалось, что он, скорее всего, уехал в Казахстан к дяде, который работал крупным начальником на большой стройке и мог помочь племяннику с трудоустройством. Но ведь родственники могли и соврать, умышленно направив розыск по ложному следу. Кассир в одной из железнодорожных касс припомнил, что Слобцов покупал билет до Свердловска. Это не противоречило версии его отъезда на стройку в Казахстан, но и не подтверждало ее, поскольку из Свердловска разыскиваемый мог направиться куда угодно – хоть к родне в Хабаровск или Владивосток, хоть прямо в обратном направлении – на Западную Украину и Белоруссию, только-только присоединенные к СССР в ходе известных сентябрьских событий 1939 г. У него на руках имелся полный комплект документов, он мог совершенно официально устроиться работать в любом месте огромной страны, и прошли бы годы, прежде чем об этом стало бы известно нижнетагильскому угро.

Лейтенант Кузнецов чуял сердцем, а может, и иным каким местом, что дело с отъездом Слобцова нечисто. Возможно, Кузнецов уже записал его в преступники, и поспешное, как казалось лейтенанту, исчезновение отца пропавшей девочки не могло оказаться случайным совпадением. Как бы там ни было, отъезд в неизвестном направлении Германа Слобцова побудил начальника нижнетагильского уголовного розыска разослать 16 октября в отделы и отделения уголовного розыска Свердловской области спецсообщение за №50/С, в котором он информировал о проводимом расследовании исчезновения Риты Фоминой и подозрениях в адрес её скрывшегося отца. В спецсообщении содержалась просьба информировать нижнетагильское ОУР о появлении Германа Ивановича Слобцова на территории ответственности получившего это спецсообщение отдела или отделения уголовного розыска.

В тот же самый день, 16 октября, участковый 1-го отделения городского отдела РКМ Ходырев, сменивший на этом почетном посту участкового Мезенцева, занимавшегося поначалу поисками Риты Фоминой, совершил довольно странное со всех точек зрения действие. В сопровождении Софьи Фоминой, матери без вести пропавшей девочки, он сходил на огородный участок, которым владела Фомина, а также обошел дома, расположенные неподалеку от дома Фоминой. Что искал участковый, непонятно, наверное, труп девочки, но его он, разумеется, не нашел, зато по факту своих безрезультатных блужданий написал косноязычный и безграмотный рапорт начальнику 1-го отделения. Отчитался, так сказать, о своей бесцельной, бесполезной и сугубо формальной работе. Смысл этого странного во всех отношениях похода по окрестностям объяснить невозможно. Предположение, что девочка могла уйти от дома на знакомый ей огородный участок, вполне логично, но проверять его следовало в первые часы с момента исчезновения ребенка, а никак не спустя почти 70 дней со времени инцидента. Тем более, что мать наверняка за это время уже сбегала на огород сотню раз... Осмотр прилегаю-

щей территории и окрестных домов – это вообще первоочередная мера при любом нормально организованном поиске пропавшего человека.

Что делал участковый? Зачем он бродил по окрестностям с умным видом? Что искал? Что нашел? Ответ знает только ветер. Единственный смысл в появлении этой странной бумажки – а документом этот рапорт назвать сложно ввиду его бессодержательности и отсутствия всякой связи с предшествующими и последующими документами – может заключаться лишь в том, что таким вот корявым образом милицейское начальство подстраховалось от возможных в будущем обвинений в бездействии. Тот самый начальник 1-го отделения, что буквально пару недель назад санкционировал прекращение расследования, узнав, что розыск возобновлен городским уголовным розыском, решил имитировать активное участие в поисках девочки и направил своего «шнурка» – участкового в поход по огородам и подвалам.

Большевики в Советской России очень любили глумиться над Россией дореволюционной, императорской, огромными тиражами переиздавали книги Гоголя и Салтыкова-Щедрина, ибо социальная сатира этих великих писателей обличала пороки современного им общества, но... честное слово, очень жаль, что Гоголь, Чехов и Салтыков-Щедрин не увидели своими глазами Рабоче-Крестьянской милиции! Очень жаль... Численность жандармерии и полицейских сил в Царской России была примерно в десять раз меньше довоенного сталинского НКВД, а работали они не в пример профессиональнее. Тот, кто от чистого сердца смеялся над «унтером Пришибеевым», просто не читал подлинных документов, вышедших из-под пера советских милиционеров и матерых защитников соцзаконности из рядов госбезопасности времен Ягоды-Ежова-Берии.

Лейтенант Кузнецов с привлечением агентурного аппарата угро сумел-таки раздобыть информацию, представлявшую немалый оперативный интерес.

Некая Юрченкова Татьяна Васильевна, 72-х лет, знакомая с Софьей Фоминой и ее пропавшей дочерью, на допросе 19 октября пересказала услышанный в магазине рассказ одной из женщин, стоявшей в очереди. Если верить рассказу, то некую босоногую девочку, ходившую около магазина «Гастроном» вечером 6 августа, после дождя, мужчина в сером костюме взял на руки и отнес к школе №7. Там к нему подошел еще один мужчина и три женщины, и вся компания удалилась в неизвестном направлении. Юрченкова утверждала, что рассказчица не знала фамилии пропавшей девочки, но довольно подробно описала ее приметы, так что Татьяна Васильевна узнала Риту.

Дальнейший розыск среди женщин, ходивших в окрестные магазины, позволил сотрудникам уголовного розыска установить еще одного весьма важного свидетеля, которого ранее обнаружить не удавалось. 21 октября лейтенант Кузнецов допросил Анну Старцеву, 42-летнюю медсестру местной поликлиники №1, сообщившую крайне интересные сведения. Заявила она следующее: «... после сильного дождя – это было 6-го августа сего года – часов в 5 вечера я шла из квартиры в каменный дом, понесла брезент гр-ну Ахри... (фамилия полностью не читается – А. Р.), с которым мы часто ловим рыбу. [Видела, как] мужчина взял в руки идущую девочку маленькую около магазина „Гастроном“ и с ней пошёл за магазин „Гастроном“. Девочка была босиком, в черном платье, мужчина был одет в костюм, в какой – не заметила, т. к. не обратила внимания». Неизвестного мужчину свидетельница описала в таких выражениях: «На вид ему лет 30, среднего роста, других примет не помню».

Показания Старцевой заслуживали, безусловно, самого пристального внимания. Прежде всего, она правильно описала девочку, поскольку согласно рассказу матери 8 октября, во время ее допроса лейтенантом Кузнецовым, Рита в день исчезновения была одета в «черное платье и белый лифчик, а более ничего на ней не было», то есть девочка бегала босиком. Таким образом, вполне возможно, что именно Риту Фомину неизвестный мужчина взял на руки на глазах Старцевой. По словам последней, это произошло рядом с магазином «Гастроном», а мать девочки признавала, что Рита прежде уходила без спроса от дома: один раз она ушла именно

к магазину «Гастроном», а в другой – на почту. То есть Рита могла уйти знакомой ей дорогой, а путь к этому магазину был ей прекрасно известен. Наконец, в показаниях свидетельницы присутствует еще один любопытный момент – она рассказала о мужчине в костюме, но о мужчине в костюме с девочкой на руках прежде уже сообщали и Анисия Приходько, и Татьяна Юрченкова! Важно было и то, что Старцева с абсолютной уверенностью называла дату увиденной ею сцены – 6 августа – и подтверждала точность своего рассказа упоминанием сильного дождя в тот день.

Тогда же, 21 октября, лейтенант Кузнецов допросил Феклу Никаноровну Пьянкову, соседку семьи Слобцовых. Молодая женщина 28-и лет, комсомолка, дежурная сетей и подстанций Уралвагонзавода, Фекла явно относилась к погрязшим в мещанстве соседям с неодобрением и в лице начальника уголовного розыска нашла благодарного слушателя. Кузнецов задал множество вопросов о быте и отношениях между собою членов семьи Слобцовых, из которых можно понять, что к этому времени он рассматривал их в качестве основных подозреваемых в похищении Риты Фоминой. Особо уточнил время последнего приезда в Нижний Тагил Веры Ивановны Слобцовой, старшей из четырех сестер, жившей в Хабаровске. В этом вопросе свидетельница помочь лейтенанту Кузнецову не смогла – она помнила, что Вера приезжала в этом году, то есть в 1939-м, но когда именно, сказать не смогла. Ничего она не знала и о месте пребывания Германа Слобцова, выехавшего из Нижнего Тагила в конце первой декады октября.

Заслуживает упоминания вопрос Кузнецова о том, как семья Слобцовых отнеслась к исчезновению Риты Фоминой, которая как-никак являлась дочерью Германа, а значит – их кровной родней... Пьянкова простодушно ответила, что те «ведут себя спокойно и никогда о потере ничего не говорят». Что тут сказать? Хороший вопрос и хороший ответ: если члены семьи не беспокоятся о судьбе родственника, значит, им его судьба известна. Это логика любого сыскаря, вполне обоснованная, кстати, и проверенная многократно на практике. Так что лейтенант милиции Кузнецов в каком-то смысле услышал от свидетельницы то, что хотел услышать, то есть получил косвенное подтверждение своих подозрений в адрес семьи Слобцовых.

Таким в общих чертах представлялось положение дел с расследованием исчезновения Риты Фоминой. Нижнетагильские пинкертонеры считали, что взяли след, и намеревались по нему идти далее. Шансы на успех представлялись немалыми, имелась неплохая вероятность не только изблечить Германа Слобцова в организации похищения дочери, но и вернуть девочку матери.

В Свердловске тем временем вся милиция была занята поиском таинственного похитителя малолетних детишек. До полутора тысяч человек ежедневно патрулировали город, оперсотрудники всех подразделений были ориентированы на получение информации, способной помочь установлению личности убийцы и его розыску. К сбору слухов, сплетен, пересказов была привлечена агентура не только уголовного розыска, но и БХСС, и даже госбезопасности. Последнее представлялось особенно важным, поскольку подразделения госбезопасности располагали мощнейшей осведомительской сетью, никак не связанной с милицейской. Их глаза и уши могли увидеть и услышать такое, что в другой ситуации ускользнуло бы от внимания милиции. Начальник Управления РКМ Александр Урусов, должно быть, не без внутреннего напряжения каждое утро брал в руки сводку происшествий за минувшие сутки, которую ему надлежало завизировать и передать в секретариат начальника Управления НКВД для представления в Обком партии. Исчезновение или убийство очередного ребенка могло означать лишь то, что затея со скрытым патрулированием улиц провалилась и бродивший по улицам города хищник чувствует себя по-прежнему вольготно. А стало быть, работа Рабоче-Крестьянской милиции, свердловского уголовного розыска и лично товарища Урусова не ст. Оит и ломаного гроша!

17 октября оперсотрудники транспортной милиции сообщили, что имеется «источник», сообщающий неизвестные прежде сведения об исчезновении детей. Таковым оказался 54-летний проводник пассажирских поездов Петр Иванович Кулагин, мужчина во всех отношениях положительный, член партии с 1920 г., переживший все чистки и обмены партбилетов, если и допуская идеологические колебания, то лишь вместе с генеральной линией ВКП (б). В общем, уважаемый в трудовом коллективе работник, пользующийся полным политическим доверием, как говорили в те времена. Кулагина допросил старший оперуполномоченный ОУР Старков, и убежденный ленинец-сталинец рассказал историю про то, как 26 августа около 15 часов видел мужчину 30 лет с девочкой на руках. Старков его обогнал и пошел по своим делам дальше.

Такая вот история... Только к чему она? К последней декаде октября уголовный розыск уже знал, что исчезновений детей 26 августа не фиксировалось, а Валя Камаева, чей труп был найден 30 августа, была убита много ранее 26 числа... В общем, ясно было, что рассказ Петра Кулагина никак не коррелирует с полученной в ходе расследования информацией. Кулагина даже свидетелем назвать нельзя, поскольку свидетель – это человек, который видел или слышал нечто значимое для проводимого расследования, а то, что рассказывал Кулагин, к расследованию совершенно не относилось.

Тем не менее пустой и бессмысленный протокол был составлен, его подшили к делу сугубо для обеления самих себя перед вполне возможным трибуналом или судом в ближайшем будущем. Наличие подобного документа – яркий симптом безволия и перестраховки, неверия рядовых сотрудников в успех общего дела и неявной подготовки каждого из них к шапочному разбору. Никто не хотел принимать на себя ответственность за принятие решений, дабы в последующем не объяснять, почему было принято именно такое решение, а не иное. Проще было написать ворох пустых, бессодержательных бумаг и утверждать впоследствии, что все сообщения фиксировались. Делу это никак не помогало, зато жизнь и карьере могло спасти. Именно из этой совершенно несуразной перестраховки и выросло золотое правило работы советской милиции: чем больше бумаг – тем чище жопа. Звучит, конечно, грубо, ну да из песни, как известно, слов не выкинуть!

20 октября лейтенант Артур Брагилевский получил экспертное заключение профессора Порфирия Устинова и увидел в нем то, что подозревал прежде. Убийца, охотившийся в Свердловске за малолетними детьми, существует объективно, это не фантом, не выдумка, не симптом паранойи... Этот человек убил по меньшей мере шесть детей и попытался убить еще двух.

Никаких реальных выходов на него у следствия не имелось. Вся оперативная информация содержала непреодолимые внутренние противоречия, сообщения свидетелей указывали на совершенно несхожих подозреваемых, в круг которых попадали взрослые мужчины, женщины, подростки. Этот кошмар мог длиться еще очень долго, возможно, он бы растянулся на годы. Как поет свердловская рок-группа «Наутилус Помпилиус»: «Эта музыка будет вечной». Воистину...

Что тут сказать? Дело было дрянь, хорошего ждать не приходилось...

Глава IV. Сколько веревочке ни виться...

В ночь на 24 октября в Свердловске и пригородах начался сильный снегопад. Поутру город проснулся в зимнем убранстве, и, зная специфику уральской погоды, можно было не сомневаться, что снег пролежит до конца марта. В город пришла настоящая зима... Но если для взрослых это означало холода, короткий световой день, бытовые неудобства и неизбежную зимнюю депрессию, то дети могли ликовать, поскольку свежавывающий снег сулил им новые затеи: катания на санках, лыжах, коньках, игры в снежки, в «царя горы», выкапывание снежных нор и массу иных развлечений.

Для семьи Волковых, жившей в доме №6 по улице Культуры, 24 октября обещало стать маленьким семейным праздником. Глава семьи – Николай Ефимович Волков – работал главным механиком Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ), прославленного на всю страну, был чрезвычайно загружен по работе, но в этот день впервые за долгое время взял отгул, чтобы побыть с близкими. В семье было трое детей: 4-летняя Рита, Слава в возрасте 2 лет 9 месяцев и 10-месячная Марина. Супруги отпустили домработницу, чтобы весь день провести вместе. Около 14 часов они стали собираться на прогулку с детишками, ведь нужно было слепить снежную бабу, покатать малышей на санках, да и самим подышать свежим воздухом. Родители сначала одели старших детей – Риту и Славику – и отправили их на улицу, после чего стали одеваться сами и кутать младшенькую дочку.

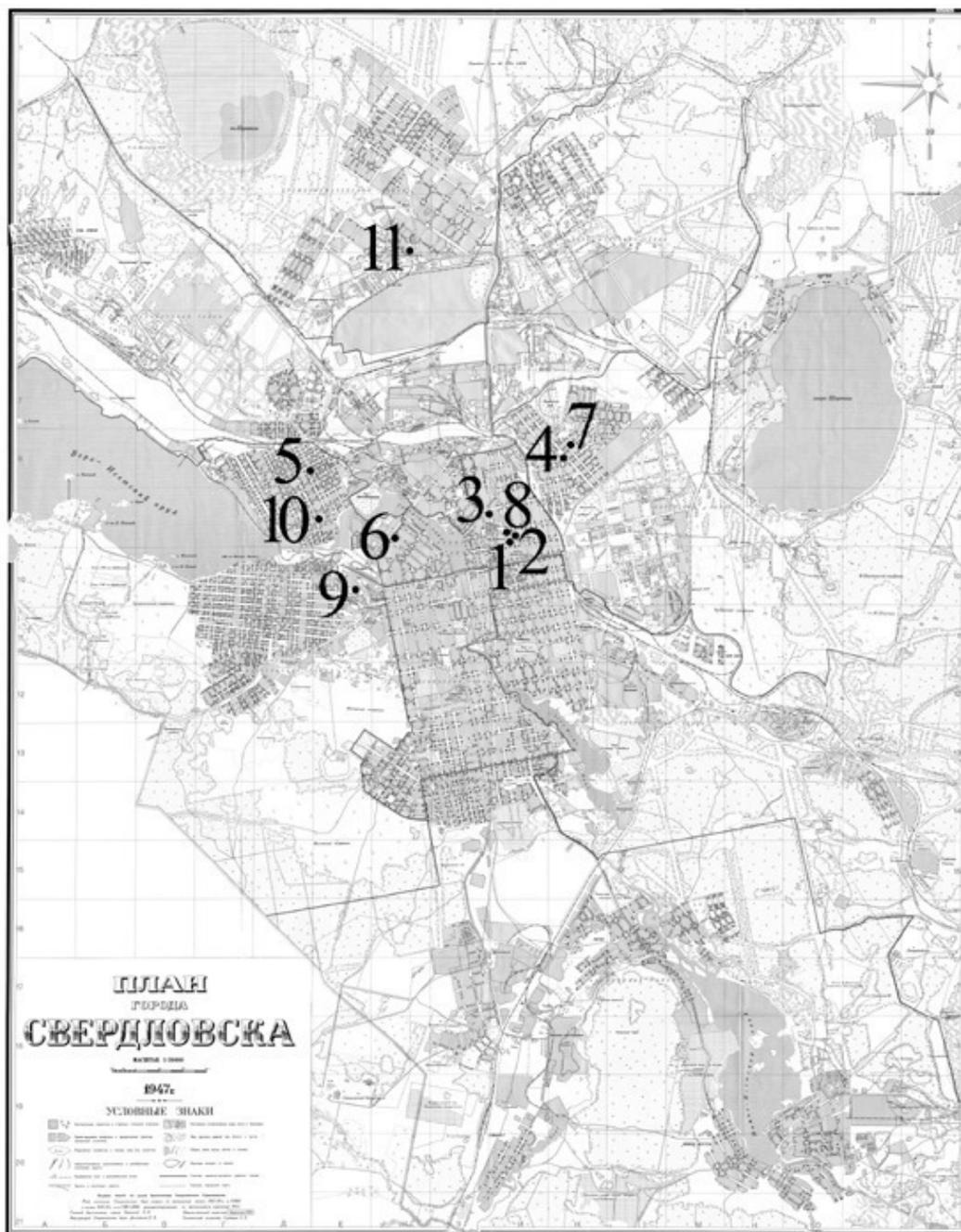
Не прошло и пяти минут с того момента, как Рита и Славик вышли из квартиры, как в дверь постучали. К великому удивлению родителей на пороге они увидели старшую из детей Риту, которая деловито осведомилась: «Зачем вы меня звали?». Но девочку никто не звал! После короткого расспроса выяснилось, что к стоявшим у подъезда Рите и Славику подошел молодой человек, который сказал, что его «зовут так же, как и вашего папу, и живет он в этом же доме», после чего добавил, что Риту ждет мама, чтобы сказать что-то важное. Рита простодушно направилась домой, в квартиру №14, а Славик остался у подъезда...

Тамара Петровна Волкова, мама всех троих детишек, полностью одетая к тому времени, сразу же бросилась на улицу и, не найдя сына у подъезда, обежала дом кругом. Славы нигде не было видно. Женщина помчалась к ближайшему магазину, где обычно было многолюдно и могли находиться свидетели того, как кто-то уводил Славику от подъезда. Тамару Петровну и ее детей знали многие работники и посетители магазина, однако никто ничем помочь ей в поисках не смог. В это же время Николай Ефимович обратился к соседям и, попросив их приглядеть за Ритой и Мариной, полуодетым устремился следом за женой. Он осмотрел подвал дома, затем забежал на чердак и проверил там. После этого бегом помчался на рынок, находившийся в конце улицы.

Все поиски оказались безрезультатны.

Примерно через 50 минут со времени исчезновения Славы отец вернулся домой и позвонил в 9-е отделение милиции, сделав устное заявление об исчезновении сына. После этого нормально, наконец, одевшись, он отправился в милицию, чтобы подать письменное заявление.

Там Николая Ефимовича внимательно выслушали, приняли заявление и попросили подождать, сказав, что из областного управления выехала автомашина с сотрудниками уголовного розыска, которые будут заниматься расследованием инцидента. Около 15:30 в отделе действительно появилась машина с оперативниками, которые тут же вместе с Волковым направились к дому, от которого исчез ребенок.

Карта Свердловска с указанием мест исчезновения детей в 1938—1939 г. Черными точками обозначены места: «1» – похищения 12 июля 1938 г. Герды Грибановой, «2» – попытки похищения 10 февраля 1939 г. Бори Титова, «3» – покушения на убийство 1 мая 1939 г. Раи Рахматуллиной, «4» – похищения 12 июня 1939 г. Али Губиной, «5» – похищения 30 июня 1939 г. Риты Ханьжиной, «6» – похищения 22 июля 1939 г. Вали Камаевой, «7» – похищения 27 июля Лиды Сурниной, «8» – похищение 20 августа 1939 г. Ники Савельева, «9» – исчезновение 12 сентября 1939 г. Вовы Петрова, «10» – исчезновение 2 октября 1939 г. Таси Морозовой. Место проживания и похищения Славика Волкова – дом №6 по ул. Культуры – обозначено числом «11». Можно заметить, что преступник после августовского похищения Ники Савельева в центре Сталинского района, где не раз демонстрировал свою активность прежде, вновь стал действовать ближе к окраинам города. После похищений Петрова и Морозовой (точки «9» и «10»), он ещё более отдалился от «эпицентра» в Сталинском районе и похитил ребёнка в посёлке Уралмаш. Перед нами традиционное для серийных преступников и вполне предсказуемое расширение «ареала» активности, связанное с ростом криминального опыта

и уверенности в своих силах. Дальнейшим следствием этого процесса явились бы похищения детей на юге города и в ближайших пригородах.

Николай Ефимович не знал, что в районе Рабочего поселка и городка Уралмашзавода, на границе которых располагалась улица Культуры, должны были находиться более полутора сотен сотрудников милиции в штатском, и требовалось выяснить, кто и что из них видел, а если никто ничего не видел, то как такое стало возможным? Кроме того, сотрудникам уголовного розыска следовало организовать и провести розыск ребенка по горячим следам, до захода солнца. Улица Культуры одним своим концом выходила к площади, где находилось трамвайное кольцо, а другим – к тому самому лесу у озера Шувакиш, в котором 4 июля было найдено тело Риты Ханьжиной. То есть похитителю детей эти места были хорошо знакомы и, казалось очевидным, что именно в этом лесу надо начинать поиск похищенного мальчика.

В это же самое время курсант Свердловской школы Рабоче-Крестьянской милиции Иван Попов осуществлял скрытое патрулирование в районе остановки «Медный рудник». Она находилась в малонаселенной тогда северо-восточной части Свердловска на границе двух крупных жилых массивов, известных под названиями городок Уралмашзавода (позднее – просто Уралмаш) и поселок Электромашин (впоследствии Эльмаш). Рядом с трамвайной остановкой находились длинные одноэтажные склады завода «Уралэлектроаппарат» и лесная зона. Хотя в последней и были пробиты просеки и проложены дорожки, район в целом оставался диковатым, малонаселенным и мрачным.

В рапорте, написанном несколькими часами позже, Попов так описал события, развернувшиеся в районе его дежурства во второй половине дня: «...24 октября с. г. около 15 часов, находясь на посту около остановки трамвая „Медный рудник“, я увидел вышедшего из вагона трамвая, прибывшего с УЗТМ (то есть со стороны конечной остановки в городке Уралмашзавода – А. Р.), неизвестного молодого мужчину, который вел за руку ребенка лет 3-х. Я обратил на этого неизвестного внимание и за ним пошел. Неизвестный с ребенком шел по шоссе в сторону поселка Электромашин. Я следил за ним, по шоссе навстречу этому неизвестному шел старший нашей команды тов. Кыштым, который был одет в форму милиции. Видимо, увидев идущего навстречу работника милиции, неизвестный мужчина с ребенком свернул с шоссе и пошел стороной мимо магазина к складу дров. Я остановился с тов. Кыштым и доложил ему о подозрительном мужчине, который в это время уже уходил в лес. Кыштым ушел к остановке трамвая, а я пошел за неизвестным».

Как видим, милиционер в форме не стал преследовать подозреваемого с ребенком, дабы не спугнуть, а отправился к остановке, чтобы «прикрыть» ее, поскольку Попову пришлось оставить свой участок патрулирования. Немалую практическую пользу в этой ситуации принесла высокая плотность скрытых патрулей. Пройдя совсем немного, Попов повстречал своих товарищей по школе милиции – Крылова и Ангелова, которые также участвовали в это время в несении дежурства и были в штатской одежде. На минутку Крылов и Попов остановились, разговаривая, а Ангелов продолжил движение вслед за удалявшимся мужчиной с ребенком. Прделано это было для того, чтобы не вызвать лишней тревоги у подозреваемого – пусть тот думает, что за ним идет всего один человек, причем на большом удалении. Затем Попов и Крылов разошлись – первый отправился к месту несения дежурства у остановки, а второй последовал за Ангеловым.

Вот как изложены последующие события в рапорте курсанта Крылова (стилистика оригинала сохранена): «Я и тов. Ангелов за неизвестным повели наблюдение, следуя за ним на расстоянии до 300 м. Неизвестный, продолжая нести ребенка на руках, стал уходить вглубь леса. Товарищ Ангелов следовал впереди меня, а я был от Ангелова метрах в 100. Удалившись за неизвестным вглубь леса, видимость стала плохой, т. к. лес был густой. Я догнал Ангелова, и мне последний сказал, что неизвестный зашел в чащу леса и он его из вида упустил».

Этот момент оказался в высшей степени драматичным, поскольку в ту минуту курсанты уже почти не испытывали сомнений относительно того, с кем им довелось повстречаться, – им явно попался тот самый похититель детей! Проявив в высшей степени похвальное самообладание, курсанты решили, как надлежит действовать дальше – разделившись, они осмотрят разные части леса и в случае проведения задержания один подаст сигнал другому выстрелом из пистолета.

Последовавшие события Крылов в своём рапорте описал в следующих выражениях: «Пройдя лесом метров 200, я увидел свежий след ноги взрослого человека... пошел по нему, на некотором расстоянии я нашел рядом с этим следом след ноги ребенка. Здесь я убедился, что неизвестный с ребенком шел именно по этому месту и здесь он ребенка с рук снял и вел его, видимо, за руку. Пройдя еще... метров 200 вглубь леса, я увидел впереди себя метрах в 30-ти висевшее на сучке дерева пальто. Внимательно присмотревшись, я увидел в небольшом углублении неизвестного мужчину, который был без пальто, стоял на коленях, а между коленями у него лежал ребенок. Ребенок был раздет, дошка меховая была подостлана под ребенком, шапка лежала у головы его – ребёнок не издавал никаких звуков и не плакал. Неизвестный держал ребенка своими руками за горло и его душил».

Процесс задержания Крылов описал просто и даже буднично: «Я быстро подбежал к неизвестному, предложил ему немедленно встать и поднять руки вверх, что неизвестный и сделал». Никакого пафоса!

Скромный курсант, видимо, из деликатности опустил один заслуживающий упоминания момент. Когда он подскочил к злоумышленнику с наганом наперевес и как следует гаркнул над ухом, у напавшего на мальчика негодяя приключился приступ медвежьей болезни. Сдернув штаны, преступник присел буквально в шаге от своей жертвы и навалил здоровенную кучу, и это не шутка, не анекдот и не попытка автора унижить пойманного с поличным подонка. Через несколько часов группа сотрудников Отдела уголовного розыска, прибывшая в лес для осмотра места совершения преступления, зафиксировала в своем протоколе кучу свежего человеческого кала. Воистину точна русская поговорка: молодец среди овец, а против молодца и сам овца! Убийца детей, некрофил и садист на поверку оказался трусливым дристуном...

Памятуя о том, что преступник носит с собою нож, Крылов приказал ему вывернуть карманы, после чего ощупал висевшее на сучке пальто. Во время обыска ребенок заплакал – это был хороший знак, значит, он был жив и оставался в сознании. Убедившись, что ножа под рукой у преступника быть не может, курсант приказал задержанному поднять ребенка с земли, закутать его в собственное пальто и только после этого произвел выстрел из пистолета. Немного успокоившись, Крылов приказал неизвестному надеть на ребенка шапку и доху, а также одеться самому. После этого он начал конвоировать задержанного к дороге. Курсант Ангелов, появившийся минут через 5 после выстрела, забрал ребенка у преступника и понес его далее.

Оказавшись на руках, ребенок плакать перестал. На шее его к этому времени стали отчетливо заметны осаднения кожи, оставленные ногтями неизвестного в процессе душения.

Выйдя из леса к шоссе, курсанты остановили легковую автомашину и доставили задержанного вместе с малышом в здание областного Управления РКМ. В здании они появились в 16 часов. Ребенок оставался неконтактен, и узнать от него имя и фамилию не представлялось возможным. Но задержанный, очевидно, всерьез опасаясь расправы или жестких мер физического воздействия, не стал отмалчиваться или выдумывать небылицы, а честно признал, что похитил малыша от дома №6 по улице Культуры. В то самое время в квартире Волковых уже находились сотрудники уголовного розыска – им позвонили из управления, сообщили об обнаружении ребенка и попросили узнать у родителей особые приметы.

В общем, все скоро выяснилось – родители сообщили приметы, они совпали с отмеченными на теле жертвы нападения, и ситуация сама собой разрядилась. Николая и Тамару Волко-

вых привезли в управление, где они тут же официально опознали сына. Любопытный момент, заслуживающий упоминания в этой связи – преступник пребывал в твердой уверенности, что похитил девочку. Его ошибка означала лишь то, что половая принадлежность похищаемого ребенка не имела для преступника значения, главное, чтобы попалась малолетка... Малый возраст потенциальной жертвы в глазах преступника являлся главным критерием выбора объекта посягательства.

Прежде чем передать малыша родителям, его осмотрел судмедэксперт Грамолин. В результате освидетельствования он обнаружил припухлость около щитовидного хряща, выше на 1,5 см находилась горизонтальная ссадина с неровными краями размером 1,3 * 0,3 см. Ниже этой ссадины находилась вторая, подобная ей, величиною 1,0 * 0,1 см, чуть левее – третья ссадина размером 1,2 * 0,4 см. Психо-эмоциональное состояние спасенного мальчика Грамолин описал словосочетанием «несколько подавленное». Других повреждений или отклонений в поведении или нервных реакциях не имелось. Судмедэксперт констатировал, что «повреждения причинены ногтями рук при сдавлении шеи и относятся к разряду легких».

В тот же день место задержания осмотрели начальник ОУР Вершинин, начальник 1-го отделения уголовного розыска Лямин, эксперт научно-технического отделения Анцифоров и группа оперативников. Расположение места нападения в протоколе было описано так: «На расстоянии 1,5 км от поселка Уралэлектромашина в сосновом лесу, в 15 метрах от просеки и межевого столба УЭМ метка 40/75». В снегу были найдены обертки от четырех различных шоколадных конфет, направление к врачу детской поликлиники на 08:30 следующего дня, то есть 25 октября, и 25 копеек мелкими монетами. Все эти мелкие предметы выпали из одежды задержанного, когда тот выворачивал карманы под дулом револьвера Крылова.

Задержанным оказался Винничевский Владимир Георгиевич, 16-летний учащийся 7 «б» класса школы №16 г. Свердловска. Проживал он вместе с родителями в доме №21 по улице Первомайской. Дом этот располагался рядом с тем самым домом №19, в котором жила Герда Грибанова, девочка, убитая и расчлененная в июле 1938 г. Задержанный оказался соседом жертвы, возможно, знал саму девочку и ее семью – это первое, что приходило на ум всякому, кто был осведомлен о деталях расследования убийств малолетних детей. Впрочем, это могло быть всего лишь совпадением, но совпадением из числа тех, которые называют «говорящими», оно наводило на определенные размышления и требовало самого внимательного исследования.

Винничевский Владимир Георгиевич. Фотография сделана вечером 24 октября 1939 г. после ареста.

При обыске задержанного, который проводился в присутствии начальника Управления РКМ Урусова и начальника ОУР Вершинина, в карманах одежды было обнаружено: денег 20 рублей 27 копеек, обертки от конфет «Шоколадные трюфели» и «Ананасная», часть разорванной обертки плитки шоколада «Спорт», измятая конфета «Спорт» в обертке, клочок оберточной бумаги, резиновая пробка для бутылки 0,5 литра, три листа нот с песнями «За Родину», «Сулико» и «Герой Хасана», обложка справочника «Метрическая система мер» с карандашными записями, не поддающимися прочтению, белый носовой платок, детская батистовая косынка с кружевами по одному из краев, ношенные коричневые перчатки, вязаная продуктовая сумка («авоська»). Интересная деталь – в «Протоколе личного обыска», составленном 24 октября 1939 г., зафиксировано, что при задержанном имелось 20 рублей 27 копеек денег, а на обратной стороне документа присутствует расписка Винничевского в том, что он получил обратно 20 рублей 52 копейки. Это означает, что к найденным при обыске деньгам при возврате добавили те 25 копеек, что оказались обнаружены на месте задержания.

Фотографии вещей, обнаруженных в карманах Винничевского при аресте: сетка, с которой молодой человек отправился в магазин, ноты, деньги, обертки от конфет и шоколада... Ничего примечательного! Ножка либо иного предмета, способного служить оружием, в карманах не оказалось. На месте преступления, осмотренном впоследствии специально отправившейся туда группой сотрудников уголовного розыска, оружия также найти не удалось – на этом следует сделать сейчас акцент, деталь эта немаловажна. Платок, сфотографированный отдельно, принадлежал Славику Волкову, он был повязан вокруг шеи как косынка. Злоумышленник снял его, чтобы облегчить доступ к шее мальчика. Впоследствии вещица эта была опознана родителями Славы и возвращена им.

Винничевский по прибытии в здание областного Управления НКВД был подвергнут медицинскому освидетельствованию, которое провел тот же самый судмедэксперт Свердловска Грамолин, что перед тем осмотрел его жертву – Славу Волкова. Прочитируем существенную часть документа, вышедшего из-под пера Грамолина – он очень важен и заслуживает пристального внимания: «Освидетельствуемый физически развит удовлетворительно. Кожные покровы и видимые слизистые оболочки несколько бледноватые, питание немного понижено. На верхней губе пушок, оволосение в подмышечных впадинах и на лобке хорошо выражено, волосы густые, на концах завиваются. Половые органы сформированы правильно; головка полового члена полностью закрыта, но крайняя плоть легко сдвигается; на головке и в борозде значительное количество смегмы („творожной массы“); уздечка повреждений не имеет. На теле повреждений не обнаружено. На руках также никаких повреждений не имеется. Ногти на пальцах рук отращены, концы их неровные, выступают над мякотью пальца. За ногтями грязи нет, незначительное количество грязи за ногтями больших пальцев и указательного пальца правой руки; грязь взята для микроскопического исследования на кровь».

Документ любопытный. Обращают на себя внимание несколько моментов.

Винничевский Владимир Георгиевич. Фотографии сделаны вечером 24 октября 1939 г. после ареста.

Прежде всего, заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что Грамолин почему-то не озаботился проверкой возможной гомосексуальности Винничевского. Это представляется тем более странным, что задержан тот был во время совершения сексуального преступления и по умолчанию предполагалась его проверка на причастность к другим преступлениям против малолетних детей, совершенных ранее в Свердловске. Извращенный характер этих посягательств не оставлял сомнений в склонности преступника к тяжелым парафилиям (половым извращениям). Хорошо известно, что подавляющее большинство педофилов сами в детском или юношеском возрасте становились объектами сексуальных посягательств – эта истина открыта вовсе не вчера, она была хорошо известна и в середине прошлого века. Если Винничевский действительно совершал те преступления, в которых его подозревали, то совершенно логично было предположить, что на каком-то этапе своей весьма непродолжительной жизни он сам стал жертвой растления (насильственного или нет в данном контексте не имеет никакого значения). А потому подозревать гомосексуальную связь, в которой Винничевский играл роль пассивного партнера, вполне логично. Грамолин просто обязан был провести соответствующее обследование.

Судебно-медицинская наука – советская и мировая – к концу первой трети 20 столетия установила весьма богатый набор симптомов, проявляющихся у пассивного партнера при регулярных анально-генитальных контактах. Каждый из симптомов в отдельности не является специфичным именно для такого рода сексуальной активности, но их совокупность, а также медицинская информация об обследуемом лице, позволяют опытному судебному медику с очень высокой точностью сделать необходимое заключение. Причем проверка эта достаточно проста и не заняла бы много времени, она свелась бы к осмотру перианальной области и проверке тонуса сфинктера посредством введения пальца. Это заняло бы от силы три минуты. Что помешало Грамолину выполнить необходимый минимум, сказать невозможно. Единственный ответ, который приходит на ум – некомпетентность. А сотрудники свердловского уголовного розыска никаких вопросов на эту тему эксперту почему-то не задали, значит, и они оказались некомпетентны тоже.

Очень жаль, потому что предположения о возможной гомосексуальности Винничевского, как мы увидим из дальнейшего, вполне разумны, не лишены оснований и в дальнейшем возникнут сами собой.

Следующий интересный вывод, который можно сделать из прочтения составленного Грамолиным документа, состоит в том, что Винничевский не занимался онанизмом. На это однозначно указывает обилие смегмы, зафиксированное при освидетельствовании. Данная деталь могла бы показаться смешной или совсем незначительной, если бы речь не шла о человеке, подозреваемом в серийных убийствах. Юношество – это пора гормонального бума и гиперсексуальности, когда сексуальные раздражители воспринимаются чрезвычайно обостренно и все, связанное с интимными деталями, вызывает крайний интерес. Мастурбация до известной степени снимает связанное с этим психоэмоциональное напряжение, помогает лучше управлять собой и делает юношу более адекватным. Можно высказать предположение, разумеется, бездоказательное и сугубо умозрительное, что если бы Винничевский занимался онанизмом, то ему бы не пришлось в голову нападать на детей – свое сексуальное напряжение он снимал бы иначе. То обстоятельство, что задержанный не грешил рукоблудием, на чем, кстати, и сам Винничевский впоследствии постоянно настаивал, наводит на мысль о наличии у него регулярных поллюций, то есть самопроизвольных семяизвержений, происходящих обычно во сне или при крайнем физическом напряжении (во время лазания по канату, подтягиваний, борьбы и т. п.). Такова мужская физиология, её не обманешь, компоненты спермы постоянно продуцируются в организме юноши, и их избыток принудительно сбрасывается в актах поллюции. Очевидно, что следы таких семяизвержений на одежде и постельном белье должны были постоянно попадаться на глаза матери молодого человека. Все написанное не предположение, а аксиома, запомним её, поскольку к этому вопросу в дальнейшем придется обращаться и следствию, и нам...

Ну и наконец, еще один интересный момент, связанный с освидетельствованием, проведенным Грамолиным, касается отсутствия у Винничевского следов побоев. Это означает, что ни при задержании, ни позже его не били. Безусловно, имело место некое вербально-эмоциональное воздействие, но оно не переросло в рукоприкладство. Это косвенно подтверждает точность рапортов курсантов школы милиции, производивших задержание Винничевского.

Чтобы более не возвращаться к судебномедицинскому освидетельствованию Владимира Винничевского, добавим, что исследование подногтевого содержимого следов крови в нем не обнаружило.

Что происходило далее?

После того, как Грамолин закончил освидетельствование, начался допрос задержанного, который проводил, собственноручно заполняя протокол, старший оперуполномоченный уголовного розыска союзного Главка РКМ Брагилевский. Можно не сомневаться в том, что при допросе присутствовал начальник свердловских милиционеров Урусов и глава областного уголовного розыска Вершинин, но последний, видимо, на некоторое время отлучался, поскольку выезжал для осмотра места задержания.

В этом месте необходимо пояснить, что Винничевский заикался, но степень выраженности этого дефекта не до конца ясна. Родители предпринимали попытки лечить заикание, но без особого успеха. Забегая немного вперед, можно сказать, что в январе 1940 г., отвечая на вопрос о том, насколько успешной оказалась борьба с дефектом речи, Винничевский высказался в том духе, что «я всегда так говорю», то есть никакого улучшения или ухудшения речи за последние годы он субъективно не отмечал. Причем сам ответ можно истолковать двояко: либо он всегда говорил хорошо и заикался почти незаметно, либо прямо наоборот, он всегда говорил с тяжелым, явно выраженным заиканием, которое исправлению не поддавалось. Врачи, обследовавшие Винничевского, акцента на упомянутом дефекте почему-то не делали, и это очень странно, поскольку заикание является серьезной нервной болезнью, влияющей на социализа-

цию и поведенческие стереотипы человека. Для правоохранительных органов заикание разыскиваемого преступника является отличным демаскирующим признаком, способным серьезно облегчить опознание. В своем месте мы самым придирчивым образом рассмотрим медицинские документы, связанные с Винничевским, но уже сейчас можно сказать, что его заикание должным образом не задокументировано и судить о том, насколько же сильно была поражена его речевая сфера, мы не можем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.